

Новые документы по истории отношений России и Италии при Иване Грозном

«Нет, например, ничего глупее, чем болтовня о причине и следствии в книгах по истории, нет ничего более извращенного и менее обдуманного. – Но разве сказав об этом, можно тем самым положить ему конец? (Это напоминало бы попытку речами изменить одежду женщин и мужчин.)» Л. Витгенштейн

Известно, что с XVI века в Европе достаточно активно формируются и получают распространение негативные образы Московии. Переломным моментом здесь стали трагические события Ливонской войны и опричнина Ивана Грозного. В то же время сложно сказать, в какой мере такие негативные представления и опыт препятствовали дипломатическим и культурным контактам. Отрицательные образы и реальные контакты так или иначе сосуществуют. Это разные вещи, исполняющие разные задачи. В истории XVI века, вероятно, можно назвать только один очевидный случай, когда между ними возникает неразрешимое противоречие. Речь идет о несостоявшемся посольстве в Московию папского нунция в Польше Винченцо даль Портико.

В биографии папы Римского Пия V Джироламо Катены рассказано о том, как накануне битвы при Лепанто папа захотел привлечь к коалиции христианских держав для войны с Турцией правителя Московии и поручил начать переговоры с ним своему нунцию в Польше Портико. В руки Портико тем временем попадает сочинение Альберта Шлихтинга, повествующее об опричнине Ивана Грозного, которое тот пересылает в Рим («*Intanto informatosi il Portico de costumi del Moscovita, et mandate tutte l'informationi a Pio havute da Alberto Szlychtin Pomerano, il quale havea veduto co gli occhi propri, et notate le crudelità del Gran Duca*»). Ужаснувшись прочитанному, Пий велит Портико ни в какие переговоры не вступать. В подкрепление своих слов Джироламо Катена цитирует письмо, якобы написанное папой своему нунцию: «Ознакомившись с тем, что вы сообщаете о Московите, мы предписываем вам оставить приготовления к поездке в Московию, даже если польский король ее одобрит и будет ей содействовать, ибо мы не желаем иметь дела с таким ужасным и столь варварским народом» («*Habbiam veduto quello, che avisate del Mosco, non curate voi d'andar più in quelle parti, quando anche il re di Polonia lodasse et*

favorisse l'andata vostra, non volendo noi haver comercio con gente tanto fiera et cosi barbara»)¹.

Существуют другие свидетельства об отмене миссии Портико, которые с этим рассказом согласуются, но не содержат ряд важных деталей, а именно они не называют имени Шлихтинга и не приписывают Портико главную роль в передаче информации в Рим. В письме, датированном 21 ноября 1571 года, папа Пий V сообщает польскому королю Сигизмунду Августу о том, что отказывается от переговоров с Иваном Грозным после того, что он о нем узнал («propter ea, quae de illius vita asserimus»)². То же объяснение дано в «Московии» Поссевино, вышедшей в 1586 году. По словам Поссевино, папа Пий V сначала поручил своему нунцию в Польше Винченцо даль Портико отправиться в Московию, «но впоследствии, прослышав о жестокости Московита, отвратился от этой мысли»³.

Письмо, которое цитирует Катена, до сих пор было известно только с его слов. Тем не менее версия событий, изложенная Джироламо Катеной, перешла в книги П. Пирлинга, затем была повторена Е. Ф. Шмурло и с тех пор повторяется всеми, кто вспоминает этот эпизод⁴.

В своей работе, написанной год назад⁵, я обратил внимание на два факта. Во-первых, П. Пирлинг, Е. Ф. Шмурло и другие исследователи явно не внимательно прочитали важный документ, который был в их распоряжении. Речь идет о письме Портико кардиналу Рустикуччи от 3 октября 1571 года. В этом документе сказано буквально следующее: «Отвечая на ваши письма от 29 августа и 1 сентября, сообщаю, что я охотно отказываюсь от мысли ехать в Московию. О свирепом нраве, дикости и бесчеловечности этого тирана Его Святейшество сможет узнать из книги, которую я послал 19 сентября» («Alle dui di Vostra Signoria Illustrissima et Reverendissima delli 29 Agosto et primo Settembre in risposta dico che volentieri dismetto li pensieri di andare in Moscovia, et la Sua Santità dal libro mandato alli 19 Settembre conoscerà veramente la fierezza et barbarie et inhumana natura di quel tiranno»)⁶. Упомянутое письмо Портико от 19 сентября 1571 года также сохранилось и опубликовано⁷. Таким образом, вполне очевидно, что распоряжение прекратить попытки связаться с правителем Московии было отдано Портико до того, как

---

1 Catena G. Vita del gloriosissimo papa Pio quinto. Roma, 1586, p. 185–186.

2 Письмо опубликовано в кн.: Шмурло Е. Ф. Россия и Италия. Т. 2, вып. 2. СПб., 1913. с. 236.

3 Possevino A. Moscovia. Vilnae, 1586 (книга лишена сплошной пагинации).

4 Pierling P. Rome et Moscou (1547–1579). Paris, 1883, p. 58–84, 140–144, 147–148; Шмурло Е. Ф. Ук. соч., с. 227–251.

5 Дубровский И. В. Новые документы о России Ивана Грозного // Русский сборник, т. 11. М., 2012, с. 25–58.

6 Письмо опубликовано дважды: Акты исторические, относящиеся к России / Сост. А. И. Тургенев. Т. 1. СПб., 1841, с. 222; Theiner A. Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, T. 2. Roma, 1861, p. 774.

7 Theiner A. Op. cit., p. 773.

тот отправил в Рим некое сочинение, порочащее «Московита». Оно содержалось в письмах кардинала Рустикуччи от 29 августа и 1 сентября.

Второй момент – это репутация Джироламо Катены как историка. Она противоречива. Катена известен как кропотливый собиратель источников. В то же время он склонен преувеличивать успехи и замалчивать неудачи своего героя, выставляя в дурном свете других. Более того, Людвиг фон Пастор насчитывает целый ряд мест, где изложение Катены является прямой фальсификацией исторических фактов. Недаром публикация книги сопровождалась скандалом. Испанский король Филипп II потребовал исправить некоторые места, и распространение книги в Испании было запрещено⁸.

Принимая во внимание эти факты, год назад мне показалось уместным предположить, что приведенное у Катены письмо папы Римского, возможно, также не заслуживает доверия, а настоящей причиной провала миссии Портико мог быть отказ польского короля пропустить его в Московию. Этот вопрос, в самом деле, долго не удавалось урегулировать.

Находки, которые мне посчастливилось недавно сделать в Туринском государственном архиве, вынуждают меня признать, что я ошибался. Упомянутый документ, который цитирует Джироламо Катена, действительно существует. Естественно, он написан не папой Римским: папы своим нунциям писем не писали. Письмо с распоряжением оставить приготовления для поездки в Московию составлено кардиналом Рустикуччи. (Текст такой: «Molto Reverendo Signore, l'ultima di Vostra Signoria è del primo di questo copiosa al solito d'avisi, et per conseguenza grata a Nostro Signore, in nome del quale torno a replicargli in proposito di quello, ch'ella scrive del Mosco, che non si debba più curare d'andare in quella parte, quando anche Sua Maestà laudasse, et favorisse l'andata sua, non volendo Sua Santità haver commertio con gente tanto fiera, et barbara, come è quella. Et non essendo questa per altro, a Vostra Signoria m'offerò di continuo. Di Roma a 29 di Agosto 1571. Il Cardinale Rusticucci»⁹.) В римской курии в тот момент он и был тем лицом, кто от имени папы Римского вел переписку с папскими нунциями и передавал им распоряжения. Переписка Портико и курировавшего его кардинала Рустикуччи частично сохранилась в фонде Польской нунциатуры Ватиканского архива (современный шифр: ASV, Segreteria di Stato, Polonia, t. 1). Для интересующего нас времени там имеются только письма, составленные Портико (в том числе два письма от 19 сентября и 3 октября 1571 года, упомянутые выше). Адресованных ему писем Рустикуччи за 1571 год нет. Письма, найденные в Турине, не оригиналы, а позднейшие копии. Они попали в Туринский архив

---

8 Pastor L. Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters. Bd. 8. Freiburg im Breisgau, 1920, S. 657–658.

9 Archivio di Stato di Torino, Raccolte private, Mongardino, mazzo 113, f. 152.

в XIX веке в составе частной коллекции графа Монгардино. Ядро коллекции составляют копии документов по истории дипломатических контактов римской курии, а также герцогства Савойского в XV–XVII веках. Считается, что это собрание принадлежало кардиналу Маурицио Савойскому, жившему в первой половине XVII века¹⁰. По-видимому, тогда же и была сделана интересующая нас копия.

То, что письмо нашлось, конечно, важно, однако концы с концами все равно не сходятся. Письмо Рустикуччи к Портико с предложением не ехать в Московию, найденное в Турине, датировано 29 августа 1571 года. (Мы помним, что сам Портико упоминал два таких письма: от 29 августа и 1 сентября.) Таким образом, папский нунций отправил в Рим сочинение Шлихтинга после того, как некие страшные известия отвратили папу Римского от мысли иметь дело с «Московитом» и было сделано соответствующее распоряжение. На наше счастье, в Турине есть также второе неизвестное письмо Рустикуччи к Портико, отосланное двумя неделями раньше. В письме от 15 августа кардинал Рустикуччи сообщает нунцию в Польше, что его поездку в Московию требуется отложить, поскольку мнение о ее правителе переменялось в худшую сторону, и что в Рим из Московии («*da quei paesi*») вот-вот должен прибыть некий рассказ о нем, который обещает расставить все точки над «i» («*Del viaggio di Moscovia Nostro Signore non giudica a proposito per hora, ch'ella lo faccia, poiché la natura di quel Prencipe è tanto fiera; ma intanto s'aspettarà di sapere il ritratto di quella persona, che dovea venire da quei paesi a posta*»)¹¹. Судя по всему, Винченцо даль Портико в 1571 году не был для римской курии единственным источником негативных сведений о правителе Московии, отвративших папу Римского от контактов с ним. Речь наверняка идет о сочинении Шлихтинга, которое, следовательно, впервые попадает в Рим, минуя папского нунция в Польше, чьи хлопоты оказываются запоздавшими.

Косвенным аргументом в пользу предположения, что сочинение Шлихтинга стало известно в Риме благодаря Портико, было то, что рукопись сочинения сохранилась среди бумаг Портико в Секретном Архиве Ватикана. Долгое время эта рукопись, принадлежавшая Портико, считалась единственной. Мне удалось найти целый ряд неизвестных списков этого сочинения, в том числе в римских библиотеках. При этом выяснилось, что эти римские списки не могут быть возведены к списку Портико. Они не могут являться сделанными с него копиями. Так, рукопись, найденная в Ватиканской библиотеке, не содержит ряд ошибок, имеющихся в списке из Секретного Архива Ватикана, который принадлежал Портико. Например, в написании слова «Ладога» список

---

10 Об этом, а также содержании коллекции подробнее см.: Bianchi N. *Le materie politiche relative all'estro degli archivi de Stato Piemontesi*. Bologna, 1876, p. 716–735.

11 *Archivio di Stato di Torino, Raccolte private, Mongardino, mazzo 113, f. 151v. –152.*

Портико дает транскрипцию: «Vladodogie». Удвоение слога – распространенная ошибка переписчиков. Такая ошибка в неизвестном топониме, допущенная однажды, уже не могла быть исправлена. Каждый следующий переписчик волей-неволей ее копировал. Написание «Vladodogie» мы встречаем не только в большинстве других латинских списков сочинения, но и в его переводе на немецкий язык. Однако в списке из Ватиканской библиотеки такой ошибки нет («Vladogie»). Анализ разночтений убеждает в том, что наиболее близкой к списку Портико является рукопись, хранящаяся в римской Biblioteca Angelica. В то же время в данной рукописи мы встречаем большое количество полонизмов в написании имен собственных, которых в списке Портико нет. Естественно, такие польские написания не могли возникнуть в Риме. То, что в Рим попал не один список сочинения Шлихтинга, а как минимум три, таким образом, можно считать установленным фактом¹².

По другим материалам мы знаем, что поляки в Риме пытались влиять на политику папства в отношении Московии, претендуя на роль экспертов в московских делах и настаивая на невозможности иметь дело с «Московитом». Такая активность хорошо отразилась в источниках 1581–1582 годов, когда Рим и Москва вдруг ненадолго вспомнили друг о друге. История посольств Истомы Шевригина и Якова Молвянинова к папе Римскому и Антонио Поссевино в Московию – это огромный корпус разнообразных документов, где сочинения Шлихтинга, сыгравшее такую роль десятью годами раньше, не упомянуто ни разу. Потому установление достоверности сообщения Джироламо Катены об отказе папы Пия V от сношений с Московией после знакомства с сочинением Шлихтинга – существенный факт. Это настраивает на правильный лад. Закономерности поступков можно исследовать на статистическом уровне. Для понимания частных случаев, всего возможного в жизни такие картины ничего не дают.

* * *

Важной частью источников по истории России Нового времени являются свидетельства иностранцев. Большое количество таких материалов было открыто и введено в научный оборот до революции 1917 года. Задумываясь о возобновлении работы в западных архивах, ставшей возможной в наши дни, стоит проговорить ее принципы. Что и как мы станем искать?

Большинство историков до революции были нацелены поиск больших сочинений о России. Главным образом это были тексты по истории XVI и XVII веков. Продолжить

---

¹² Подробнее об этом в статье, указанной в примечании 5.

такую работу сегодня можно и нужно, для чего существуют прекрасные условия. Доступ в архивы, возможности копирования, транспорт – все в наши дни существенно упростилось. Отовсюду можно заказать и получить материалы по почте. Со времен Пирлинга и Шмурло опубликовано немало каталогов. Повсеместно создаются и развиваются электронные базы данных крупнейших библиотек и архивов. Множество всевозможных материалов можно найти в интернете.

Поясню эту ситуацию на примере. Вместе с польскими коллегами я готовлю новое издание сочинений Альберта Шлихтинга. Всего за один год мне удалось найти и обработать девять латинских рукописей Шлихтинга, включая неизвестные редакции его сочинений¹³. Сделать эти находки, в основном благодаря каталогам, оказалось довольно просто, но с тех пор больше года никаких новых рукописей Шлихтинга я не находил. Между тем они, очевидно, существуют. Первооткрывателем Шлихтинга был Павел Пирлинг, написавший так: «Он есть в Ватиканском архиве... и почти во всех римских библиотеках»¹⁴. Эту фразу в своих книгах и статьях Пирлинг повторил несколько раз и никаких уточнений так и не сделал. Важнейших библиотек с большими собраниями рукописей в Риме насчитывается не меньше десятка. Мне известны только три римских списка Шлихтинга: как я уже сказал, кроме Ватиканского архива, это Ватиканская библиотека и библиотека Angelica. Мои усилия, потраченные на то, чтобы найти другие, оказались тщетны. Если существующие библиотечные каталоги не могут нам помочь, делать открытия становится значительно сложнее.

Такие большие и важные тексты, как Шлихтинг, можно сравнить с золотыми самородками. Русские историки, работавшие в европейских архивах в прошлом, не были достаточно внимательными к тому, что я бы назвал золотым песком. Я говорю о систематическом анализе каналов передачи политической информации в Европе. Это прежде всего дипломатическая переписка, а также рукописные газеты (в Италии они назывались «avvisi»). Я исследую два русских посольства в Италию в конце Ливонской войны: Истома Шевригина в 1581 году и Якова Молвянинова в 1582-ом. За два с половиной года архивной работы мне удалось найти свыше 500 неизвестных документов. (Еще несколько сот опубликовано до меня и забыто. Фактически это столь же неизвестный материал!) Могу прибавить, что такое количество материалов в одинаковой мере удивляет как русских историков, так и итальянских.

---

13 Там же.

14 «On le trouve aux Archives du Vatican... et dans presque toutes les bibliothèques de Rome» (Pierling P. Pie V et Ivan le Terrible: tentative pour établir des relations diplomatiques entre Rome et Moscou // *Revue des questions historiques*. T. 31 (1882) p. 581; Idem. Rome et Moscou, p.148).

Поиск архивных документов должен походить на работу в археологии. Увидев вещь, не надо торопливо выдергивать ее из земли. Объектом исследования должен быть культурный слой. Такое пожелание кажется особенно уместным к работе с материалом, масштабы и характер которого пока только выясняются.

Действительно, здесь встает целый ряд проблем. Так, при всем баснословном изобилии, новости о приезде москвитов циркулируют в довольно узких рамках. Например, выясняется, что такие известия в изобилии представлены в итальянских рукописных газетах, а также их переводах на немецкий язык. Но собственно немецкие газеты к ним равнодушны. Русские посольства в немецкой рукописной «прессе», кажется, не считаются достойными упоминания событиями. Работа с собраниями таких рукописных известий быстро дает понять, что круг составителей газет (в Италии они назывались «menanti») довольно узок. В двух главных итальянских центрах деятельности «menanti» Риме и Венеции, не считая переписчиков, возможно, их было всего по несколько человек. В Ферраре и Флоренции, Аугсбурге и Праге читают в основном одни и те же известия.

Откровением для меня стали богатства княжеских архивов. Действительно, княжеские дворы выступают одним из главных потребителей политических новостей. В то же время равного интереса здесь не наблюдается. В архиве одного герцога о двух русских посольствах можно найти десятки документов, а в архиве другого будет довольно пусто. Крупнейшие блоки свидетельств содержатся в архивах великого герцога Тосканского, герцогов Феррарского и Мантуанского (Государственные архивы Флоренции, Модены и Мантуи). В каждом случае это от шестидесяти до восьмидесяти писем и газет с информацией о «послах Московита». К этим собраниям примыкает архив герцогов Урбинских, раздробленный сегодня между Ватиканской библиотекой и Флорентийским Государственным архивом. В знаменитом собрании газет, которые герцог Урбинский регулярно получал из Рима, о посольствах Шевригина и Молвянинова насчитывается около семидесяти сообщений. Я был уверен, что найду не меньше информации в письмах агентов герцога Урбинского в Риме, Венеции и других городах, сохраненных с той же аккуратностью. К моему удивлению, в этой обширной переписке о приезде москвитов нет ни слова. Герцог Савойский, дядя императора эрцгерцог Фердинанд Тирольский, другие немецкие князья удовлетворяют свой интерес к посольствам Ивана Грозного минимальной информацией. То же, видимо, можно сказать о герцоге Пармском (хотя надо оговориться, что большая часть архива пармских Фарнезе была перевезена в Неаполь, где погибла во Вторую мировую войну). В одних случаях

московиты вызывают большой интерес, в других до них мало дела. Закономерности здесь угадываются с трудом.

То же касается кардиналов. Ценнейшая часть найденных мной материалов – переписка кардинала Луиджи Эсте. Она велика по объему. Всего сообщений о «послах Московита», полученных кардиналом Луиджи Эсте, в архиве Модены я насчитал свыше восьмидесяти. Еще важнее качество сведений, которые поставляли кардиналу. Обычно информация, циркулирующая в письмах и газетах, в большой мере стереотипна. К тому же, пересылка новостей зависела от работы почтовой службы. Набираются целые пачки документов, датированных 4, 11, 18 марта 1581 года и т. д. Писать чаще не было смысла, потому что почта из Рима отсылалась раз в неделю. Но кардинал Эсте во время приезда Молвянинова жил под Римом в Тиволи и имел собственную эстафету. Слуги кардинала Теодозιο Паницца и Аннибале Капелло передают ему новости ежедневно, иногда по два и три раза в день. По содержанию эти сообщения исключительно ценны. Можно понять, с каким энтузиазмом я бросился разыскивать архивы других кардиналов. По моим сведениям, около пятнадцати кардиналов имели отношение к русским посольствам или, по меньшей мере, замечены в том, что обсуждали их с другими. Тем не менее мои дальнейшие поиски не дали почти ничего. Бумаги большинства кардиналов оказались рассеяны и частично пропали. От их личных архивов остались фрагменты (таковы несколько писем, адресованных кардиналу Алессандро Фарнезе, которые мне посчастливилось найти в Пармском архиве). Но переписка некоторых сохранилась весьма полно. Тома корреспонденции таких выдающихся деятелей католической церкви, как Карло Борromeо и Сирлето, практически не касаются темы приезда московитов.

По сравнению с архивами итальянских герцогов, материалы римской курии выглядят другой планетой. Принцип княжеских архивов – служба и учреждения. В канцелярии герцога Феррарского у посла в Риме по окончании службы забирают в архив даже минуты – черновики его писем¹⁵. Мир информации в римской курии организован по своему. Здесь действует принцип личных архивов. Архив принадлежал человеку, а не должности. Так государственные бумаги систематически оказывались в частных собраниях. Иногда историкам это на руку. Так, Антонио Поссевино, исполнявший множество поручений, во всех местах, где оказывался, стремился раздобывать документы. В Венеции на его просьбу дать ему копии писем русскому царю Поссевино отвечают отказом. Но в московском Посольском приказе списки царских грамот в Рим и Венецию для него делают. Часть этих документов известна только благодаря копиям Поссевино

---

15 Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Ambasciatori, Roma, busta 103 («carteggio restituito» посла в Риме Джулио Мазетти).

(см. ниже). Беда в том, что личный архив Поссевино плохо сохранился. Его фрагменты разбросаны в разных фондах Ватиканского архива. К сожалению, это правило: сохранность многих личных коллекций оставляет желать лучшего.

Приведу пример, который мне кажется очень красноречивым. Я попытался отследить проезды Шевригина и Молвянинова по территории папского государства. Из отчета Якова Молвянинова в московском Посольском приказе мы знаем, кто и в каких городах по пути в Рим устраивал для него торжественные приемы¹⁶. В именах, которые называет Молвянинов, не допущено ни одной ошибки (даже правитель Римини по имени «Юлий Цезарь» – реальный губернатор Джулио Чезаре Барбьери). Таким образом, мы получаем длинный список лиц, чьи бумаги надо искать. Еще ряд подробностей встреч Шевригина и Молвянинова можно почерпнуть из местных хроник: в Болонье это хроники Аламанно Бьянкетти, Валерио Риньери, Пирро Леньяни Ферри¹⁷, в Фаэнце – Грегорио Дзукколо¹⁸ и т. д. По пути следования москвитов находилась армия должностных лиц: три кардинала-легата Болоньи, Романьи и Марке, несколько вице-легатов, полтора десятка губернаторов и еще больше епископов. Можно представить себе объем бумажной работы, который развернулся по этому поводу. К сожалению, найти удастся крохи.

Кроме писем кардинала Комо, ведавшего внешними сношениями курии, двум легатам с приказом распорядиться о приеме Молвянинова¹⁹, на которые указал еще Е. Ф. Шмурло, я нашел всего два документа. Это минуты писем Джованни Пьетро Гислиери кардиналам Сан Систо и Сфорца, в которых говорится о проезде Истомы Шевригина. Оба датированы 6 апреля 1581 года. Гислиери состоял в должности «президента Фламиниевой дороги» и вице-легата Романьи. Нам несказанно повезло, что его родственником оказался замечательный итальянский эрудит XVII века Лудовико Якобилли. Благодаря Якобилли, его бумаги частично сохранились в библиотеке епископской семинарии города Фолиньо²⁰. Кардинал Алессандро Сфорца в это время являлся легатом области Марке. Сан Систо, он же Филиппо Бонкомпаньи – племянник папы Григория XIII. Отчет Гислиери кардиналу Сан Систо заставляет вспомнить все, что мы слышали о nepотизме. Действительно, выясняется, что прием «послов Московита», помимо и через голову

---

16 Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 1. СПб., 1851, ст. 879–881.

17 Все в Университетской библиотеке Болоньи: Alamanno Bianchetti, *Annali di Bologna fino al 1599*, ms. 290, t. III, f. 367–370, 482; Pirro Legnani Ferri, *Diario delle cose accadute in Bologna dall'anno 1555 sino al 1661*, ms. 896, t. 1, f. 70, 82v.; Valerio Rinieri, *Diario, ovvero Descrizione delle cosa più notabili seguite in Bologna dell'anno 1520 insino a tutto l'anno 1605*, ms. 2137, t. 1, f. 201–201v., 225v.–226.

18 Biblioteca comunale di Faenza: Gregorio Zuccolo, *Memorie della città di Faenza dall'origine sino al 1608.*, ms. 24/1; Idem, *Croniche di Faenza*, Ib., ms. 24/2.

19 Biblioteca Apostolica Vaticana, Barberini Latini, t. 5743, f. 244–245.

20 Интересующие меня письма: Biblioteca Jacobilli del Seminario vescovile di Foligno, ms. C.VI. 9, f. 185v.–186, 187v.

кардинала Комо, организует и контролирует, по крайней мере, еще одно лицо, чьи письма об интересующих нас событиях найти не удастся. Мы снова беспомощно хватаем руками воздух.

То, как такая система сохранения информации существовала на практике, иллюстрирует один документ. Теодозιο Паницца в письме кардиналу Луиджи Эсте от 4 марта 1581 года, то есть через неделю после приезда Шевригина, сообщает, что в течение нескольких дней он разыскивал бумаги кардинала Мороне. В 1576 году Мороне руководил предшествующей попыткой наладить прямые контакты папства с Московией. Все связанные с этим бумаги по традиции, очевидно, остались у него. Кардинал Джованни Мороне скончался тремя месяцами раньше. Документы нашлись у некоего дворянина из Модены (это более или менее понятно: Мороне в течение своей жизни был связан с Моденой). Паницца пересылает их кардиналу и просит позволения благодарить от его имени того, кто их предоставил. Наиболее любопытна в этом сообщении последняя фраза. Судя по всему, кардинала Комо, кому эти документы по идее могли понадобиться скорее всего, они не заинтересовали. Комо прокомментировал ситуацию, сказав, что «Мороне не был рассудительным человеком». Это передал Паницце кардинал Джустиниани, которого слова Комо удивили и озадачили²¹.

Следующий вопрос, на котором мне хотелось бы остановиться, – качество информации в письмах и газетах, которая может быть интересной для специалистов по русской истории. Нам надо отчетливо себе представить характер тех записей, с которыми мы имеем дело.

Политические новости не свидетельства очевидцев. В основном они продукт передачи информации внутри среды, делающей такую работу.

Поясню свою мысль на примере. Год назад я был увлечен обилием свидетельств о первом торжественном приеме Якова Молвянинова у папы Римского. Аудиенция называлась «частной», но на деле была предельно многолюдной. Местом ее проведения был выбран просторный зал Маррамондо в Палаццо Сан Марко. (Ныне этот дворец называется Палаццо Венеция, где зал Маррамондо был кабинетом Муссолини.) В церемонии принимали участие практически все находившиеся в Риме кардиналы. Зал был так набит людьми, что ничего не было видно и слышно, а «посол Московита»

---

21 Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Ambasciatori, Roma, busta 116: «Cercando alli dì passati il modo con che si fossero potute havere le scritture di Morone, mi vene da quel suo gentilhuomo Modenese (che si chiama il signor Alfonso Pincetti) detto che lui si trovava havere, et che mi darebbe (come ha fatto) la instruttione, et lettera che detto Morone haveva fatto mentre stette in Germania per praticare la reductione del detto Moscovita... Così qui alligato mando tutto a Vostra Signoria Illustrissima et non sarà che bene che lei si degni ordinar mi che lo ringratii da parte sua. Io non so che se voglia adesso dire il cardinale di Como con dire che Morone non era savio in effetto. Il cardinale Giustiniano mi l'ha detto et con maraviglia, non sapendo il perché».

протиснулся к папе при помощи алебард швейцарских гвардейцев. Прием Молвянинова явно задумывался как демонстрация успеха папства, масштабы которого специально не уточнялись. Действительно, дело было обставлено такой торжественностью, что ряд наблюдателей спутали аудиенцию с церемонией «*obbedienza*», изъявления покорности папе, которую в лице своего посла совершал каждый новый христианский король. В случае Ивана Грозного это означало бы, что он перешел в католичество. Многие не могли решить, так это надо понимать или нет. Наконец, интересны подробности поведения московитов. Они все время вскакивали с колен и надевали свои меховые шапки, и распорядителю церемонии Антонио Поссевино то и дело приходилось снова ставить их на колени. Молвянинов сорвал злость на подьячем Тишке Васильеве. За нерасторопность, с которой подьячий подавал цареву грамоту, на глазах папы он ударил того кулаком. Нечего говорить, с каким изумлением посмотрели на это итальянцы.

Прием, устроенный во дворце Сан Марко для Якова Молвянинова, – бесспорно, один из ключевых моментов отношений Москвы и Рима в 1581–1582 годах. От его трактовки многое зависит. Множество описаний, которые были даны этой аудиенции, в свое время мне показались отличным массовым материалом, способным рассказать, кто что увидел и как понял. К сожалению, потенциальные очевидцы один за другим таковыми не оказываются. Одним из таких документов я поначалу счел письмо французского посла в Риме Поля де Фуа королю Генриху III от 17 сентября 1582 года²². Однако Теодозию Паницца в тот же день сообщает кардиналу Эсте, что информацию для своего короля Поль де Фуа получил от него. Записка об аудиенции Молвянинова, составленная Паниццей, в точности совпала с тем, что рассказывал Полю де Фуа кардинал Санский. («*A Monsignor Illustrissimo di Foys ho dato conto in scriptis dell'audienza che in publico diede hieri Sua Santità al Moscovita... havendomi così Sua Signoria Illustrissima pregato dicendo, per volerne dare conto in Francia, et quello che gli ho scritto io, m'ha detto haverglielo ad litteram in voce raccontato Sans*».) Из другого письма Паниццы с описанием той же аудиенции, написанного кардиналу Эсте накануне, выясняется, что и он не видел церемонии своими глазами, а знает о ней со слов Поссевино²³.

Информацией из вторых или третьих рук также является донесение Франческо Бабби великому герцогу Тосканскому от того же 17 сентября 1582 года²⁴. Об этом говорят многочисленные неточности в его рассказе. Человеком, ставившим московитов на колени, Бабби называет папского церемониймейстера. Действительно, руководить участниками

---

22 *Les Lettres de Messire de Paul de Foix, archevesque de Tolose et ambassadeur pour le roy auprès du pape Gregoire XIII escrites au roi Henry III. P.*, 1628, p. 601.

23 *Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Ambasciatori, Roma, busta 117.*

24 *Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, filza 3603, f. 427–427v.*

аудиенции должен был церемониймейстер; это не только его обязанность, но и привилегия. Папский церемониймейстер Франческо Муканцио, в отличие от многих, на аудиенции присутствовал. Об этом свидетельствует не только подробное описание события, которое он оставил, но и не менее любопытные документы Уголовного суда губернатора Рима. Из материалов уголовного дела мы узнаем, что бывший слуга Муканцио некий Ладзаро из Болоньи, отчаянно нуждавшийся в деньгах, услышав от другого слуги церемониймейстера, что хозяин ушел из дома во дворец Сан Марко, где он устраивает прием посольства москвитов («*che io havevo da trovarme a San Marco per la receuta dell'imbasciatore di Moscoviti da Nostro Signore*»), забрался к нему и украл «из тумбочки возле кровати около трех с половиной скудо мелочью, завернутой в бумажки» («*circa tre scudi et mezzo in quatrini in certi cartocci in una scantietta vicino all' letto*»)²⁵. Известно, однако, что Муканцио в тот день во дворце Сан Марко довольствовался ролью зрителя. От организации приема его бесцеремонно отставили. В своем рассказе об аудиенции Молвянинова ему остается сетовать на то, что многое было устроено не так, как надо²⁶.

Повторю свою мысль: передача политической информации в письмах и газетах, с которой я имею дело, не набор отдельных свидетельств, а в основном является своеобразной коллективной деятельностью. За ней встает среда производства такой информации. Личные наблюдения и опыт контактов с москвитами в таких документах сказываются редко, что историку остается иметь в виду.

Присутствие в этих текстах живых человеческих реакций также ограничено по другим причинам. Тон дипломатической переписки в основном нейтральный. В частных письмах, где такого самоограничения нет, москвиты чаще оказываются предметом для зубоскальства. Это действительно разные стили. Письма посла решают задачу донесения до своего правительства политической информации. В официальной корреспонденции он излагает факты, а эмоции изливаются в другом месте²⁷.

К тому же, большим вопросом переписки являлось ее сохранение в секрете от посторонних глаз. По большому счету, ничего, кроме шифров, здесь придумано не было. Если негативной информации нельзя было избежать, ее старались записывать шифром.

---

25 Archivio di Stato di Roma, Tribunale criminale del governatore, Investigazioni, 162, f. 102–102v.

26 Выписка из дневника папского церемониймейстера с рассказом об аудиенции Молвянинова опубликована в кн.: Акты исторические, относящиеся к России. Т. 1, с. 390–392.

27 На эту особенность дипломатической переписки обращает внимание итальянский историк Марио Брунетти. Он сравнивает письма венецианского посла в Риме Леонардо Дона (впоследствии одного из самых прославленных венецианских дождей), написанные им венецианской синьории, с его письмами того же времени, которые он писал своему брату Николо. См.: Brunetti M. *Da un carteggio di Leonardo Donà, ambasciatore a Roma, col fratello Nicolò (1581–1583)* // Ad Alessandro Luzio, *gli Archivi di Stato italiani. Miscellanea di studi storici*. Vol. I. Firenze, 1933, p. 121–146.

Так, слова Комо о том, что покойный кардинал Мороне не был умным человеком, на всякий случай, зашифрованы. Агент герцога Мантуанского при дворе императора Камилло Гаттико в письме из Праги от 23 мая 1581 года шифрует фразу о том, что, по мнению людей, знающих «Московита», Поссевино в Московии может ждать мученический венец²⁸. Высокопоставленных лиц связывает их положение. Кардиналу неловко слышать плохое о кардинале, правителю – о другом правителе: теоретически могли вступить в отношения. Тот же герцог Гонзага, правивший в Мантуе, мог иметь интерес к контактам с Московией в связи с антитурецкой лигой. Впоследствии он дважды лично участвовал в походах Габсбургов на турок.

Большинство составители рукописных газет тоже придерживается определенных представлений о сдержанности. Снова правило можно описать, уловив исключения. Таким скандальным поправлением правил были «avvisi» Аннибале Капелло, составленные специально для кардинала Луиджи Эсте²⁹. Автор охотно упражняется в остроумии по поводу многих лиц, включая посольство Молвянинова. Эти «avvisi» являлись не вполне обычными в том отношении, что адресовались конкретному лицу. Наверное, это развязывало язык. Другую подборку рукописных газет, написанных почерком Аннибале Капелло, мне удалось найти в архиве герцогов Мантуанских³⁰, и это уже газеты, предназначавшиеся для всех. Капелло здесь более сдержан в словах, вместо эксклюзивной информации, которую он поставлял кардиналу Эсте, не брезгует иной раз переписать сообщение других, но в общем тоже позволяет себе много. Отнюдь не случайно Аннибале Капелло плохо кончил. Несколько лет спустя в Риме по велению папы ему вырвали язык и отправили на виселицу с табличной на груди, где сообщалось о том, что много лет он насмехался над людьми и всем святым, да еще слал свои газеты протестантам³¹. Такие репрессии в отношении составителей газет были в Риме крайне редки. Но расправы с одним из них раз в десять лет хватало, чтобы держать в узде остальных. Ничего похожего на тексты Капелло в сообщениях газет об интересующих меня русских посольствах я не встречал.

Аннибале Капелло упоминает посольство Молвянинова в двадцати восьми своих газетах. О пути Молвянинова в Рим и том, что он еще не приехал, говорится в девяти сообщениях Капелло. Долгожданное русское посольство въезжает в Рим 13 сентября 1582 года. 15 сентября Капелло отмечает, что нравы и обычаи приезжих не так далеки от

---

28 Archivio di Stato di Mantova, Archivio Gonzaga, busta 460, p. 424.

29 Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Avvisi e notizie dall'estero, busta 127.

30 Archivio di Stato di Mantova, Archivio Gonzaga, busta 1986.

31 Pastor L. The history of the popes from the close of the Middle Ages : drawn from the secret archives of the Vatican and other original sources, T. 21. London, 1932, p. 388.

итальянских, как некоторые думали. («Delle doti et qualità della sua persona, dell'uso, stile, maniera et osservanza non se ne da raguaglio per esserne ogn'uno costì di già molto ben informato, non però con quella stravaganza che si credeva, venendo egli quattro milla miglia di lontano et di più, et da nazione diversa di dogmi et di religione dalla nostra».) Но в тот же день в другом письме Московия у него превращается в «Сарматию». 21 сентября «этот посол» – в «этого татарина». 22 сентября Московия – «страна Агрикана» (Агрикан – татарский царь из поэмы Боярдо, «страна Агрикана» – Татария.) Отношение автора к москвитам нельзя назвать дружелюбным, и его неприязнь нарастает. С первых чисел октября тон сообщений резко меняется в худшую сторону. С этого времени Аннибале Капелло кипит от ненависти к москвитам. Их обозначения только ругательные: 1 октября – «эти мерзавцы», 2-го – «эти непостоянные варвары», 3-го – «этот сарматский посол» и «другие сарматы». После прощальной аудиенции у папы Римского москвиты для Капелло больше не существуют. Об их отъезде не сказано ни слова.

О том, что за события вызвали такую бурную реакцию, я расскажу ниже. Пока я хочу обратить внимание на саму живость реакций. Имея дело с таким особенным материалом, как письма и газеты, всегда надо пытаться понять, какие тексты несут в себе следы реального опыта наблюдения и контакта, а где по разным соображениям их предпочитают замолчать.

Один из самых необычных текстов, которые мне удалось найти, – донесение о посольстве Шевригина, подписанное именем некоего «лиценциата Перо [то есть Педро] Кихада»³². Судя по всему, текст предназначался для испанских властей Неаполя. От донесения сохранились начало и конец, середина утрачена, но даже в таком виде его объем превышает треть листа. Автор не жалеет места для страноведческой информации о Московии, останавливается на истории польской короны и Ливонской войны. Многие вещи, начиная с географии, «лиценциат» представляет себе смутно. Так, по его мнению, Московия граничит с Турцией, Наваррой, Каталонией, Арагоном и Францией, с одной стороны, и Польшей и Трансильванией («у con el ducado de la trans Silbania») – с другой. Тем не менее он ставит перед собой задачу максимально ввести читателя в курс дела. Русское посольство к папе Римскому показано в контексте военно-политической ситуации и ее предыстории.

Подавляющее число наших документов совсем иного рода. Сообщения о царских гонцах в дипломатической переписке и рукописных газетах значительно короче и не являются такими развернутыми повествованиями, поясняющими детали и контекст. Перед

---

32 Biblioteca Nazionale di Napoli, Biblioteca Brancacciana, VI B 19, f. 159–160. Текст озаглавлен: *Relación verdadera de la embajada que hico el envajador del Moscobita al papa a los 20 de março este anno de 1581 años.*

нами отрывочная информация для компетентных читателей, и надо понимать, какие требования это накладывает на ее исследователя. Он должен знать этот мир изнутри, быть не менее компетентным, иначе информация пройдет мимо него.

Чтобы дать почувствовать эту ситуацию и требования к историку, я остановлюсь на одном примере, который, мне кажется, этого заслуживает. В письме от 9 мая 1581 года венецианский посол при дворе императора Альберто Бадозр сообщает своему правительству о проезде через Прагу царского гонца Истомы Шевригина на обратном пути из Рима в Московию. По словам Бадозра, в Праге Шевригин имел разговор с человеком по имени Иеронимо Скотто и восторженно делился с ним своими впечатлениями от Венеции³³. Скотто не нуждался в представлении. Членам венецианской синьории Бадозр пишет так: «Он прекрасно известен многим из вас». В другом документе, *avviso* из Праги от 27 сентября 1580 года говорится о приезде ко двору императора предшествующего «посла Московита» Афанасия Резанова: «На следующий вечер он ужинал в обществе Скотто, которого называют здесь некромантом... и пили только мальвазию и испанские вина»³⁴.

Иеронимо, или Джироламо Скотто из Пьяченцы – действительно, известная личность. Это самый знаменитый маг и чародей своего времени. Его имя при жизни было окружено множеством легенд. Агриппа д'Обинье рассказывает такую. Как-то раз Скотто в одно и то же время позвали к себе обедать папа Римский и кардинал Карло Борromeо, и того видели обедающим в двух разных местах одновременно. Требник под одеждой кардинала Борromeо, впоследствии одного из наиболее почитаемых католических святых, колдун превратил в колоду карт³⁵. На другом конце Европы польский историк Марчин Кроммер передает рассказ некоего очевидца о том, как 27 июня 1580 года Скотто чудесным образом потушил пожар под стенами замка в Гродно, где в это время находился король Стефан Баторий³⁶.

Многие пересказывали историю о том, как Иеронимо Скотто показал в зеркале архиепископу Гебхарду Кельнскому самую красивую из женщин. Ею оказалась канонисса графиня Агнесса фон Мансфельд. Потерявший голову архиепископ добился ее любви. Но братьев графини Агнессы внебрачная связь их сестры совершенно не устраивала, и дело

---

33 Документ опубликован Е. Ф. Шмурло: Памятники культурных и дипломатических сношений России и Италии. Т. 1, вып. 1. Л., 1925, с. 253.

34 Biblioteca Apostolica Vaticana. *Urbinate Latini*, t. 1048, f. 337: Sono cinque giorni, che gionse qua un Ambasciatore del Moscovito... et l'altra sera fu a cena col Scotto chiamato qui negromante, dove intervenire molti signori et fra li altri il Laschi Pollacco, sendo stati trattati alla grande, no vi si bevendo altro, che malvagia et vini di Spagna.

35 *Œuvres complètes de Théodore Agrippa d'Aubigné*, par E. Réaume et F. de Caussade. T. 1. Paris, 1873, p. 442.

36 Я знаю об этом из книги: Ciampi S. *Notizie di medici, maestri di musica e cantori, pittori, architetti, scultori ed altri artisti in Polonia e polacchi in Italia*. Lucca, 1830, p. 93. Точной ссылки на источник информации автор не дает, а мне самому установить его пока не удается.

кончилось тем, что в декабре 1582 года архиепископ Кельнский объявил о своем переходе в протестантизм и еще через два месяца женился. Эти любовные перипетии грозили катастрофическими последствиями для судеб католицизма в Европе. Архиепископ Кельнский являлся четвертым курфюрстом, отрекшимся от католичества, а это означало, что следующим германским императором должен был быть протестант. Ответ католической Германии не заставил себя ждать. В том же году баварские войска овладели Кельном, и архиепископство надолго перешло к Виттельсбахам. Похоже, легенда о зеркале, с которого якобы началась эта история, возникла после всех событий. О ней впервые пишет Михаэль фон Иссельт и оговаривается, что многие в нее не верят, считая, что архиепископ и канонисса познакомились раньше³⁷. Точно то, что Иеронимо Скотто приобрел на Гебхарда необыкновенное влияние. Заодно, по-видимому, он являлся шпионом императора и, в отличие от архиепископа, вышел сухим из воды.

Предание о волшебном зеркале, наверное, неслучайно заставляет вспомнить историю Фауста в изложении Гете. Фауст Гете тоже влюбляется в Гретхен, увидев ее в зеркале. Образы легендарного Фауста и Скотто в сознании современников и ближайших потомков максимально сближаются, переходят друг в друга, а иногда сливаются. В Кенигсберге показывали дом, где Скотто заключил договор с дьяволом, явно по аналогии с домом Фауста в Виттенберге. Главную роль в передаче предания о великом чернокнижнике XVI века, как известно, сыграла компиляция Генриха Видмана. Его трехтомный труд о докторе Фаусте вышел в 1599 году, то есть при жизни Скотто, и он не раз там упомянут как величайший маг современности, обласканный князьями, способный творить похожие чудеса³⁸. Пара Фауст и Скотто фигурирует в заключительном акте иезуитской пьесы о Теофиле 1621 года: низвергаясь в геенну огненную, два страшных грешника в запоздалом раскаянии вместе оплакивают свои преступления³⁹.

Иеронимо Скотто был связан со множеством дворов, везде разворачивая бурную деятельность. По замечанию немецкого хрониста Кефенхюллера, «его делами переполнена вся Европа» («von welches Thaten gantz Europa voll»)⁴⁰. Он развлекает князей и придворных своими фокусами, но также исполняет множество дипломатических поручений, которые ему охотно даются. Некто неизвестный – по-видимому, германский император Рудольф II, но скорее всего не он один, потому что Скотто был всегда готов

---

37 Michael von Isselt, *De bello Coloniensi*. Coloniae Agrippinae, 1584, p. 12.

38 Эти места сочинения Видмана перечислены и приведены в предисловии к кн: *Das älteste Faustbuch: Wortgetreuer Abdruck der editio princeps des Spies'schen Faustbuches vom Jahre 1587*, hg. von A. Kühne. Zerbst, 1868, S. XVIII–XIX.

39 Rädle F. «Faustsplitter» aus lateinischen Dramen im Clm 26017 // *Festschrift Bernhard Bischoff*, hg. von J. Autenrieth und F. Brunhölzl. Stuttgart 1971, S. 478–495.

40 Khevenhüller F. Ch. *Annales Ferdinandeï, Dritter Theil*. Leipzig, 1721, S. 610.

служить всем сразу, – подсылает его в Праге к «послам Московита»: сначала к Афанасию Резанову, потом к Истоме Шевригину. Однако мы ничего не слышим о встрече Иеронимо Скотто с Яковом Молвяниновым. Действительно, такая встреча, по всей вероятности, не могла состояться. Информатор дяди императора Фердинанда Тирольского Франческо Спорено в письме от 1 сентября 1582 года сообщает ему о проезде Скотто через Аугсбург. По словам Спорено, Скотто имел щекотливое поручение от протестанта курфюрста Саксонского связаться через герцога Мантуанского с католическим испанским королем и предложить тому военную помощь в Нидерландах в обмен на возвращение ряда территорий, которые считал своими⁴¹. Молвянинов, выехавший из Аугсбурга еще в июле, по пути в Рим увидеться со Скотто не мог.

Чем Скотто был интересен в роли дипломата? Что за таланты он обнаруживал и почему был нарасхват? Здесь, разумеется, мы вступаем в область догадок. Зная щепетильность дипломатов, вряд ли такие подробности кто-то решался записывать. В нашем распоряжении есть темное предание, которое вроде бы намекает на то, что колдовство и общение с послами как-то уживались. Оно сохранилось у Видмана в его упомянутой книге о докторе Фаусте. По словам автора, как-то раз в Праге при дворе императора Скотто зашел к испанскому послу и предложил ему узнать, что делает испанский король. Он показал его в своем волшебном зеркале. Испанский король в этот момент, закончив что-то писать, чинил перо. Тогда Скотто поинтересовался у испанского посла, хочет ли он также увидеть написанное. Посол ответил, что не хочет, сказав, что ему не подобает проникать в тайны своего повелителя⁴². Также известно, что королева Екатерина Медичи с помощью волшебства Скотто пыталась повлиять на своего мятежного сына герцога Алансонского. Но для этого не понадобилось делать его послом и куда-то отправлять⁴³. Вполне возможно, интерес к Скотто как лучшей кандидатуре для выполнения щекотливых дипломатических поручений был связан не столько с его способностью кого-то околдовать, сколько с его репутацией человека, умеющего читать чужие мысли. Об этом даре Иеронимо Ското пишут многие современники, особенно интересно и обстоятельно – придворный врач («физик») эрцгерцога Фердинанда Тирольского Георг Хандш. Скотто угадывал загаданные карты, самого Хандша за обедом он просил загадать **что-нибудь из еды**, а потом указал на это ножом. Похожие фокусы он

---

41 Hirn J. Erzherzog Ferdinand II. von Tirol: Geschichte seiner Regierung und seiner Länder. Bd. 2. Innsbruck, 1888, S. 475.

42 Widman G. R. Der Ander Theil der Historien von Doct. Iohanne Fausto dem Ertzzäuberer vnd Schwartzkünstener. Hamburg, 1599, S. 75.

43 Ebouff G. Rerum in Gallia gestarum abusive promulgato pacis edicto, mense Maio 1576, ad hunc diem... narratio. Canthurii, 1577, p. 20.

демонстрировал эрцгерцогу и его супруге, придворному аптекарю, камергеру и многим другим⁴⁴.

Что говорит наш материал? В случае с Афанасием Резановым – только то, что проникнуть в мысли москвитов помогает застолье и хорошая выпивка. Другое свидетельство о встрече Иеронимо Ското с Истомой Шевригиным намного подробнее. Пересказ слов Истомы, дошедший до венецианского посла Альберто Бадозра, оставляет двойственное впечатление. Можно сказать, что он распадается на две части. В приведенных словах Шевригина многое звучит чрезвычайно правдоподобно: его искреннее восхищение Венецией, которого он не скрывал в общении с другими людьми. Не только от Скотто, но и из других источников мы узнаем о его опасениях, что в Москве в его рассказы никто не поверит⁴⁵. Его трогает то, что близко ему. Солдат, случайно оказавшийся царским гонцом, увлеченно рассказывает первому встречному о невероятных запасах оружия и амуниции, хранящихся в Венеции, которых хватит на целую армию. Он сравнивает Рим и Венецию по весу подаренных ему золотых цепей и снова приходит к мысли, что Венеция ему милей. Другие слова, вложенные в уста Истомы Шевригина, напротив, вызывают оторопь. Трудно поверить, что Шевригин выражал свое восхищение, называя Венецию «матерью свободы, прибежищем справедливости, чудом природы, величием Италии, украшением мира, оплотом христианства» и т. д. Привычным образованным людям Запада обороты речи и идеологию того, что называют «венецианским мифом», на устах русского солдата, заброшенного судьбой в чужие края, трудно себе представить. Если Скотто в данном случае пытался угадывать мысли, то у него этого не получилось.

Я остановился на этом эпизоде, чтобы показать – прежде всего самому себе, – какой должна быть работа с материалом. Отрывочность информации как характерная особенность переписки и газет обязывает быть специалистом в истории Западной Европы. Без таких знаний, большой дополнительной работы, мы рискуем ничего не узнать. Информация пройдет мимо нас незамеченной.

* * *

---

44 Hirn J. Loc. cit.

45 «Et afferma, che in Moscovia non gli sarà creduta la centesima parte di quelle cose, de quali ha da far relatione al suo signore» (Avviso из Рима 1 апреля 1581 года в четырех вариантах: Biblioteca Apostolica Vaticana. Urbinates Latini, 1049, f. 152; Biblioteca Ambrosiana, R 103 sup., f. 140–140v.; Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, filza 3083, f. 119; Archivio di Stato di Mantova, Archivio Gonzaga, busta 1985, f. 554–554v.). «E disse, in Moscovia non gl' sariano credute l'ottava parte delle cose delle quali dovea far relatione al suo signore» (Alamanno Bianchetti, Annali di Bologna fino al 1599, ms. 290, t. III, f. 368).

На что мы можем рассчитывать в результате исследования этих документов? Вопрос, конечно, преждевременный. Чтобы ответить на него, требуется написать книгу. Она и будет необходимой формой работы с материалом. Пока можно проговорить некоторые вырисовывающиеся линии. По сути, это только вопросы, которые возникают в процессе поиска и служат ему.

Вопросы эти, действительно, волнующие. В течение двух лет Рим и Москва ведут активный дипломатический диалог и обмениваются посольствами. После приезда Шевригина в Рим с ним обратно в Московию от имени папы отправляется Антонио Поссевино. Он приезжает к Ивану Грозному дважды, ведет с ним беседы о религии и возвращается в Италию вместе с посольством Молвянинова. Прямые контакты римской курии и Московского государства продлились два года и прекратились. Спрашивается, почему? Стороны решили свои вопросы и разошлись? Или какие-то надежды сменились разочарованиями?

Наше неприятие неясностей имеет понятные психологические корни. Любому человеку трудно удерживаться от обобщений. Ничто не уместится в голове, если мы не будем прибегать к этому нехитрому приему. Историкам следует приветствовать друг друга словами: «Не спеши с выводами». Историю показывают, она делается при помощи пресловутых ножниц и клея. Ее картины должны обладать собственной наглядностью. Талант исследователя состоит в умении «не думать, а смотреть». Дело не в том, что наши догадки и обобщения бывают плохи, а в том, что они повторяют наши знания. С ними мы остаемся в тех руслах, по которым привычно текут наши мысли. Они не могут никуда нас повести. Только путем внимательной работы с историческими материалами можно узнать что-то новое, и это новое может лежать далеко в стороне от первоначальных интуиций. Потому неясность документов и ситуаций следует принимать с радостью как знак того, что, возможно, мы сталкиваемся с чем-то новым.

Все требует наглядности, включая выводы историков, которые мне кажутся поспешными. С. Ф. Платонов пишет так: «Нельзя, конечно, допускать мысли о том, что царь хотя бы на один миг поколебался в своем московском православии... Что же касается до «римской веры», то прение о ней могло быть царем допущено только в силу обстоятельств. Именно так и было со знаменитым папским послом Антонием Поссевино... Уступая упрямству Поссевино, Грозный не прекратил беседы, но свел ее к пустякам». Царь объявил, что церковные догматы находятся вне его компетенции, и согласился обсуждать с иезуитом «малые дела». В частности, его волновали вопросы, почему католические священники стригут бороду, а папе Римскому целуют ноги. «Нельзя отказать царю, – продолжает С. Ф. Платонов, – в полемической ловкости: умышленно

держась на «малых делах» и не допустив «больших дел говорить о вере», он, в сущности, вовсе уклонился от обмена мыслей об унии и оставил иезуита, а с ним и папу Григория XIII безо всякого удовлетворения. Менее всего можно видеть в поведении царя наивность и простодушие; можно спорить лишь о том, что в нем преобладало: расчетливое лукавство или свойственная Грозному склонность к шутке и издевательствам»⁴⁶.

Этот взгляд строится на двух блоках информации. Знание о том, что царь Иван Грозный долгие годы подчеркивал свою враждебность к римскому католицизму и, в отличие от своего деда и отца, не поддерживал контактов с Римом, накладывается на информацию о беседах Ивана Грозного и Поссевино по поводу религии 21 и 23 февраля и 4 марта 1582 года. Действительно, этот примечательный эпизод документирован лучше всего: он известен в пересказе Поссевино, с одной стороны, и в записи, оставшейся в бумагах московского Посольского приказа – с другой. Судя по этим текстам, царь не был готов идти на уступки в делах веры.

Исследования Б. Н. Флоры помогают расстаться с тезисом о неизменной враждебности царя к католикам и Риму. Выясняется, что она тоже имела свою историю. Б. Н. Флоря отмечает перемены в отношении Ивана Грозного к католическому миру с 70-х годов XVI века. Желание завязать и поддерживать прямые отношения с Римом в конце Ливонской войны можно считать не циничным политическим ходом, а продолжением внешнеполитической линии предшествующих лет, когда обсуждался вопрос антитурецкой лиги⁴⁷. В то же время Б. Н. Флоря разделяет мнение, что разговоры о католической вере кончились ничем. На его взгляд, в курии не хватало понимания глубины традиций православия и трудностей, которые вставали на пути присоединения Московского царства к католическому миру, а когда такое понимание пришло, «Рим не обнаружил заинтересованности в продолжении контактов»⁴⁸.

Ряд документов заставляет отнести к этой картине критически. Кажется, исследователи не обратили внимания на важное наблюдение Е. Ф. Шмурло. Он остроумно доказывает, что, по меньшей мере, одна существенная уступка царем была сделана⁴⁹.

Речь идет о письмах Ивана Грозного к папе Римскому и венецианскому дожу, написанных в сентябре 1581 года и отправленных в Рим и Венецию с иезуитом Паоло Кампана. В нашем распоряжении имеются переводы писем на немецкий язык. Они

---

46 Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI–XVII веках. Л., 1925, с. 29–31.

47 Флоря Б. Н. Проект антитурецкой коалиции в русской внешней политике 70-х годов XVI века // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы до середины XIX века. Кишинев, 1980, с. 118–132; Он же. Иван Грозный. М., 2009, с. 400.

48 Флоря Б. Н. Иван Грозный, с. 402, 413.

49 Шмурло Е. Ф. Ук. соч., с. 214–219.

сохранились в Ватиканском архиве⁵⁰. Перевод выполнен в московском Посольском приказе, о чем говорят русские подписи к документам: «от гдря к папе», «проѣзжая на папинихъ послов», «от гдря к венѣцскому» и т. д. Известно, что немецкие переводы давались русским послам наряду с оригиналами царских грамот. В Ватиканском архиве также имеется немецкий перевод царской грамоты к папе Римскому, написанной и отправленной в марте 1582 года с посольством Молвянинова⁵¹. Она написана тем же немецким подчерком, что и сентябрьские письма. Также совпадает почерк русских приписок к ним. В то же время бросаются в глаза отличия в оформлении. Мартовский документ написан «в развернутый лист» и сохраняет след от печати красного воска. По словам Е. Ф. Шмурло, видевшего документ сто лет назад, это была средняя государственная печать. Сентябрьские письма, напротив, не оформлены как царские грамоты, а являются просто копиями соответствующих текстов. Они явно не предназначались для использования в качестве официальных документов. Вряд ли они могли быть отправлены в Рим с Паоло Кампана, а попали в Ватиканский архив другим путем. Действительно, сентябрьские письма сохранились в подборке документов, которая считается частью личного архива Антонио Поссевино. Все тексты снабжены латинскими суммариями, написанными его рукой. В русских посольских книгах мы читаем, что в сентябре 1581 года «папин посол Антоней писал, чтоб ему дали список с грамоты, которую государь посылает к Григорью папе, и список ему с тое грамоты дадут»⁵². Похоже, эти немецкие письма и были копиями, сделанными для Поссевино. В Венецианском архиве, кроме того, имеется итальянский перевод одного из писем: грамоты царя на имя венецианского дожа⁵³. Следовательно, отпадают последние сомнения в том, что оригиналы были отправлены.

Е. Ф. Шмурло отмечает большое сходство писем, составленных в сентябре 1581 года, с царскими грамотами марта 1582 года. Фактически они были просто отредактированы и отправлены вторично с посольством Молвянинова. Потому то новое, что появляется, предельно наглядно. Одно исправление касалось принципиального вопроса в отношениях Москвы с католической церковью. В грамотах, посланных с Молвяниновым, католикам было разрешено прибывать в Московию со своими

---

50 Я уточню шифр и страницы документов, так как со времен Е. Ф. Шмурло они переменились: Archivio Segreto Vaticano, Segreteria di Stato, Germania, t. 93, f. 311–312v. (письмо царя папе); f. 313–314v. (письмо царя папе по поводу свободного проезда послов и купцов); f. 315–316v. (письмо царя венецианскому дожу по поводу свободного проезда послов и купцов); f. 317–318 (письмо царевича Ивана папе);, с латинским суммарием на отдельной странице: f. 321).

51 Archivio Segreto Vaticano, Miscellanea, Armadio II, t. 117, f. 30–30v.

52 Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 10, СПб., 1871, ст. 202.

53 Archivio di Stato di Venezia, Secreta, Annali, 1580–1583, f. 106v.–107.

католическими священниками⁵⁴. Е. Ф. Шмурло обращает наше внимание на то, что письма, отправленные в сентябре, такого разрешения не содержат. Комментируя мартовские письма, информатор великого герцога Тосканского Франческо Бабби в письме из Рима от 17 сентября 1582 года также подчеркивает, что правитель Московии до тех пор не хотел сделать такую уступку («quel duca si contentava che tutte le persone cattoliche così ecclesiastiche, come secolari potessino libberamente praticare, contrattare ogni sorte di commertio nelli stati sua cosa che per in fino adesso non havea mai voluto consentire»⁵⁵). Таким образом, усилия Поссевино принесли известные плоды.

В тот же день 17 сентября 1582 года французский посол в Риме Поль де Фуа сообщал своему королю о заседании консистории, на котором якобы «папа объявил кардиналам, что сказанный посол [Яков Молвянинов] и отец Поссевино, вернувшийся вместе с ним, привезли известие, что Московит созвал епископов своей страны, чтобы подумать о том, как объединиться с католической церковью», а пока шлет привет всем христианским правителям («le Moscovite estoit après à faire assembler les Euesques de son païs pour aduiser des moyens de s'unir avec l'Eglise Catholique», – «après» здесь употреблено в значении «au travail»: устаревший оборот «être après à faire quelque chose» значит «être en train de faire quelque chose»⁵⁶). Какое участие в диалоге с Поссевино принимали епископы русской церкви и, в частности, ростовский архиепископ Давид? Мы узнаем от Поссевино о некоем представительном собрании (церковном соборе?) с участием митрополита и шести епископов, которым поручалось дать ему ответ. Давид Ростовский, по словам Поссевино, признал его правоту («все одобрил»), однако другие епископы промолчали. Позднее архиепископ Ростовский был обвинен в ереси, лишен сана и отправлен в ссылку. (В «Московии» дана следующая информация: «Et vero praeter metropolitam, sex alios evocaverat episcopos, tum ad eam rem, tum ut mecum de religione agerent. Qui tamen, ubi scripta nostra acceperunt, quae princeps de discrimine inter Catholicam fidem et Rutenica dogmata de me publice quaesiverat, obmutuerunt, unusque ex iis archiepiscopus Rostoviensis, ubi omnia probasset, in exilium actus, et dignitate motus, vitam amisisse putatur»⁵⁷.)

---

54 Русские тексты мартовских писем Ивана Грозного в Рим и Венецию дошли до нас в книгах Посольского приказа и напечатаны в кн.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 10, ст. 351–355 (письмо царя папе); ст. 355–357 (письмо царя папе по поводу свободного проезда послов и купцов); ст. 363–367 (письмо царя венецианскому дожу); 367–370 (письмо царя венецианскому дожу по поводу свободного проезда послов и купцов). О допущении в Московию католических священников говорится в трех последних. Немецкий перевод письма царя к папе упомянут выше. Итальянский перевод письма венецианскому дожу: Archivio di Stato di Venezia, Secreta, Annali, 1580–1583, f. 163v.–165. Наконец, в Ватиканском архиве среди бумаг Поссевино имеются латинские переводы: Archivio Segreto Vaticano, Segreteria di Stato, Polonia, t. 17A, f. 16–16v. (письмо царя папе); f. 95–95v. (ему же по поводу свободного проезда послов и купцов).

55 Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, filza 3603, f. 427–427v.

56 Les Lettres de Messire de Paul de Foix, p. 601–602.

57 Possevino A. Moscovia. Vilnae, 1586.

В этой связи крайне существенными представляются два замечания Р. Г. Скрынникова⁵⁸. Во-первых, Р. Г. Скрынников отмечает особую близость Давида Ростовского к царю Ивану Грозному: «Среди названных владык самым близким к особе монарха был, без сомнения, Давид. Он занял кафедру в Ростове в то время, когда этот город уже стал главным «дворовым» городом царя. Понятно, что «дворовой» пост мог получить лишь человек, пользовавшийся полным доверием государя. В неофициальной иерархии он уступал разве что митрополиту». Во-вторых, пишет Р. Г. Скрынников, «можно предположить, что Давид взял слово на соборе не по своей инициативе, а по распоряжению или, во всяком случае, с ведома самодержца». «Он явно следовал по стопам государя... писавшего Баторию о соединении церквей на Флорентийском соборе». Мысль Р. Г. Скрынникова подтверждает Поссевино. Согласно его письму кардиналу Комо из Варшавы от 27 мая 1582 года, царь обратился за разъяснениями лично к Давиду Ростовскому⁵⁹.

Довольно странно, что, проговорив эти вещи, Р. Г. Скрынников в остальном повторяет интерпретацию С. Ф. Платонова. Якобы царь намеренно свел беседу с Поссевино к обсуждению незначительных тем, уклонившись от главного. Слова Ивана Грозного о том, что он не дерзает обсуждать догматические и церковные вопросы, находящиеся в компетенции митрополита и епископов, «без рукоположенья митрополита и всего освященного совету Собора»⁶⁰, по мнению Р. Г. Скрынников, либо были лукавством, либо не были произнесены вообще, а являются продуктом позднейшей редакции текста русских посольских книг. Единственным аргументом в пользу такого мнения служит «психологический портрет» царя. «В подлинных сочинениях Грозного, – пишет Р. Г. Скрынников, – мотивы такого рода отсутствуют... Вопреки утверждению официоза, Иван всю жизнь вел прения о вере без всяких рукоположений митрополита».

Насколько такому аргументу можно верить? Действительно, мы видим разительное отличие ситуации от известных нам случаев полемики Грозного с протестантами. Но «психологический портрет» – плохое руководство для понимания того, на что человек способен. Кроме того, нельзя не отметить, что другие случаи полемики царя с иноверцами никому из современников не приходило в голову редактировать. Поведение царя,

---

58 Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 2001, с. 403–406.

59 Письмо опубликовано дважды: Pierling P. *Le Saint-Siège, la Pologne et Moscou 1582–1587*. P., 1885, p. 105–116; loc. cit. p. 116; Monumenta Poloniae Vaticana. T. 5. Alberti Bolognetti nuntii apostolici in Polonia epistolarum et actorum pars 1 aa. 1581–1582. Kraków, 1923–1933, p. 352–260; loc. cit. p. 360.

60 Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 10, ст. 301: «Ты, Антоней... сам еси поп и ты потому и говорить дерзаеш, а нам без рукоположенья митрополита и всего освященного совету Собора не уметь говорить».

выступавшего от имени церкви, не спрашивая позволения и совета епископов, по видимому, не шло вразрез с представлениями о благочестии.

В случае с Поссевино, напротив, мы сталкиваемся с явными фактами сокрытия и искажения информации. Примером таких манипуляций служит текст, известный под условным названием «Собор на предложение папского посла Антония Посевина в 1582 году»⁶¹. Якобы перед нами документальная запись прений на церковном соборе, которые сводятся к посрамлению апологета католицизма посла, присланного от «папы Римского Антония», и его пособника и еретика архиепископа Давида Ростовского. С разоблачением их догматических заблуждений выступают не митрополит и епископы, а царь Иван Грозный. Составителям текста такая роль царя представлялась ожидаемой и правильной.

Одно замечание Поссевино в упомянутом письме кардиналу Комо от 27 мая 1582 года наводит на мысль о том, что именно понадобилось скрывать. «Говорят, – пишет он об архиепископе Ростовском, – его то ли отправили в ссылку, то ли должны утопить. Некоторые прибавляют, что то же ждет митрополита» («si è inteso che è stato mandato o in essiglio, o ad esser sommerso, alcuni aggiungendo essere il simile avvenuto al metropolita»). Очевидно, митрополит Дионисий изначально не был в рядах ревнителей православия, добившихся осуждения архиепископа Давида Ростовского, и как-то себя скомпрометировал. Возвращаясь к наблюдениям Р. Г. Скрынникова, можно себе напомнить, что Дионисий и Давид являлись двумя наиболее влиятельными предстоятелями русской церкви. Вопреки слухам, доходившим до Поссевино, Давид Ростовский оставался на своей кафедре еще целый год. По информации П. М. Строева, он был лишен сана только в 1583 году⁶². Интересно также, что подложный текст «Собора на предложение папского посла Антония Посевина» сообщает о трех церковных соборах, состоявшихся один за другим. Таким образом, решение вопроса явно затянулось. Известно имя одного активного оппонента Давида. В Описи Приказа тайных дел 1713 года упоминается «коробья неболшая, а в ней сыск про Ростовского архиерея Давыда о кресте и богохульных словах по доносительному писму Симоновского архимандрита Исаия»⁶³. Слова о «доносительном письме», видимо, означают, что Давид так и не был осужден постановлением церковного собора, а убран с глаз по воле царя. Возможно, ссылка Давида Ростовского неслучайно совпала по времени с возвращением в Москву в начале 1583 года посольства Молвянинова.

---

61 Московские соборы на еретиков XVI века в царствование Ивана Васильевича Грозного. М., 1847, с. 24–30.

62 Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, с. 332.

63 Опись делам Приказа тайных дел 1713 г. // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического Общества. Т. 2, 1861, с. 25.

Подведем итог. Согласно распространенному мнению, царь из «расчетливого лукавства или свойственной Грозному склонности к шутке и издевательству» свел беседу с Поссевино к пустякам с целью уклониться от серьезного разговора о соединении церквей. Однако тогда не понятно, зачем собирали епископов и что за история вышла с Давидом Ростовским? Для меня достаточно очевидно, что отказ царя обсуждать с Поссевино церковные и догматические вопросы, разделяющие православие и католицизм, со ссылкой на то, что они находятся в ведении предстоятелей русской церкви, и созыв для их обсуждения некоего собрания епископов (или настоящего церковного собора) – связанные факты. Иван Грозный всю свою жизнь, вступая в полемику с иноверцами, считал себя вправе говорить от имени церкви. Но если царь был заинтересован в нахождении неких форм церковного сближения с Римом, то это была другая ситуация. Едва ли в таком случае он мог действовать без оглядки на епископов. Если мы примем такую гипотезу, все встанет на свои места. С такой гипотезой согласуется реакция Поссевино, хотя его объяснение отличается от нашего. По его мнению, царь не уклонился от серьезного разговора о религии, в чем уверено большинство исследователей, а не смог его поддержать и потому обратился за разъяснениями к самому сведущему из своих епископов.

При всей документальной важности сочинения Поссевино «Московия», где, в частности, дана подробная версия его бесед о религии с царем Иваном Грозным, а также других текстов, написанных и опубликованных впоследствии, они несут отпечаток того, что было и чего не случилось потом. Более того, в этих позднейших свидетельствах можно найти места, где автор откровенно лукавит (например, отрицая факт посещения им православных храмов). Потому я снова процитирую письмо Поссевино своему непосредственному начальнику кардиналу Кому от 27 мая 1582 года, в котором он делится первым впечатлением о результатах своей миссии: «Хотя эти беседы [о религии с Московитом] не оказали на этого государя всего того воздействия, которое было желательно... тем не менее они поставили его в такое положение, что он не мог ответить на записку [о различиях между католицизмом и православием], которую он у меня попросил. В этой связи он спросил архиепископа Ростовского, самого сведущего в его государстве, что он думает об аргументах католиков, и тот ответил, что они ему кажутся правильными». («I quali colloquii se bene non fecero tutto quell'effetto che si desiderava nella persona di quel principe... nondimeno lo ridussero a tale che non seppi rispondere alle scritte che mi dimandò, per conto delle quali essendo da lui ricercato l'arcivescovo di Rostovia, come il più perito di quel regno che cosa sentiva di quelle catholice ragioni, et havendo risposto che gli parevano vere»). Далее Поссевино сообщает о слухах по поводу гонений, которым

подвергся архиепископ Ростовский и, возможно, подвергнется митрополит, видимо, тоже одобрявший его тезисы. Для нас особенно важно заключение. В заключении Поссевино выражает сдержанный оптимизм: «Дай Бог, от такого начала, как я надеюсь, пробудятся души многих» («Dio Signor Nostro si degni da questi principii, come spero, svegliare gli animi di molti, ut in tempore revelentur ex plurimorum cordibus cogitationes»). Поссевино не приходит в голову считать свою миссию неудачной. Обращение Московии он рассматривает как процесс, начало которому положено.

Б. Н. Флоря высказывает мнение, что в римской курии не осознавали сложности задачи присоединения Московии к католическому миру. Там якобы рассчитывали на быстрый успех, а столкнувшись с трудностями, быстро опустили руки. Источники говорят об обратном. Позций в этом вопросе в курии было, по меньшей мере, две. Одна предназначалась для общественного мнения в Риме. Суть ее в следующем. После приезда в Рим посольства Истома Шевригина с просьбой о содействии в заключении мира с польским королем, для выработки политики курии в отношении с Московией была образована специальная комиссия из четырех кардиналов. Через две недели газеты сообщили, что комиссия вынесла свое заключение, которое состояло в том, что обязательным условием содействия Московиту в деле заключения мира с Баторием является обращение Московии в католичество. Это было заявлено публично, и все газеты и письма сообщают, что Поссевино получил задание сначала добиться перехода москвитов в католичество, а потом решать с ними другие вопросы.

Эта пропагандистская картина далека от реальности. Политика римской курии, естественно, не была такой примитивной. К счастью, в нашем распоряжении имеется ряд подготовительных бумаг и черновики документов, составленных в курии в связи с миссией Поссевино. Большой интерес представляет анонимная подготовительная записка с надписью на обороте «Sopra l'ambasaria del Mosco», «О посольстве Московита». Судя по тексту, она составлена по горячим следам приезда Шевригина и прочтения привезенного им письма, когда сам вопрос об отправке миссии в Московию еще не был решен. Приобщение к католичеству в этом документе осмысливается как сложнейшая задача, решение которой потребует огромных усилий, времени и денег.

Документ заслуживает того, чтобы его процитировать. Надо обязательно воспользоваться случаем, пишет автор, и послать человека в Московию. Возможно, ее правитель не даст сразу желанного ответа о воссоединении с римской церковью. Тогда надо добиться, чтобы вместе с папским посланцем он отправил в Рим кого-нибудь наиболее умудренного в их вере. Это поможет лучше разобраться в ней, ибо надо тщательно продумать, с чего начинать католическую проповедь: требуется просить у

Московита только то, что он сам и его народ считает благочестивым. И автор прибавляет по-латыни: «Кто хорошо начал, сделал половину дела». Было бы странно надеяться, пишет он дальше, что, едва увидев человека, присланного от папы Римского, Московит в один миг оставит свою веру, в которой его предки жили веками («non è ordinariamente da sperare, che in un subito, et alla prima vista d'un' huomo pontificio costui lasci la sua relligione, nella quale li suoi maggiori da secoli in qua son' invecchiati»). Будет достаточно («ma assai sarebbe»), если контакты продолжаться и правитель Московии отправит в Рим новое посольство. Жалеть на это денег никак нельзя. Автор вспоминает траты, на которые не поспешил папа Евгений IV во время Ферраро-Флорентийского собора, провозгласившего унию католической и православной церквей. Он содержал собор на свои средства, оплачивал галеры и отпустил греков на родину, осыпанных золотом. Придется потратить тысячи дукатов и три или четыре года времени, чтобы только увидеть то, что мало-помалу можно сделать («per veder quello, che si potesse a poco a poco fare»)⁶⁴.

В Риме интересующего нас времени был накоплен огромный опыт кропотливой миссионерской работы. Документ нам об этом напоминает. Вместе с тем появление такого документа еще не означает, что высказанные мысли легли в основу политики папства в отношении Московии. Если выразиться точнее, мы не знаем, как на эту записку отреагировал кардинал Комо, в чьих руках находились основные нити внешней политики курии. Именно он составлял инструкции для Поссевино и руководил его деятельностью. Внутри римской курии конкурировали разные мнения и подходы, и, как мы уже слышали, не всякий опыт Комо считал для себя полезным.

---

64 Archivio Segreto Vaticano. Archivium Arcis, Arm. I–XVIII, 4320:

«Tutte le cose si fanno tra principi lontani col mezzo di domesticar il commercio tra loro, come ha fatto questo patriarcha d'Anthiochia. Però non solo s'haverebbe da mandar un'huomo con questo ambasciator del Mosco, ma s'haverebbe, quando questo huomo non potesse tornare con totalmente votiva risposta, da procurar almeno, che il Mosco rimandasse in qua con lui uno de più dotti nella sua relligione, acciò che potesse ben' intender qui in Roma, che non gli si domanda cosa, se non in sè santa et per lui et per li suoi popoli salutare. Dimidium facti, qui bene coepit, habet.

Non è ordinariamente da sperare, che in un subito, et alla prima vista d'un' huomo pontificio costui lasci la sua relligione, nella quale li suoi maggiori da secoli in qua son' invecchiati. Ma assai sarebbe, che, doppo haversegli intonata da parte del vicario di Cristo l'ambasciata, egli si contentasse di metter il negotio in pratica, et mandasse uno in qua, il quale, meglio informato delle cause, per le quali deve al tutto voler conformarsi con la proposta di Sua Santità, potesse, qui cathechizzato, ben' instrutto, accarezzato, donato, et rimandato contentissimo, operare che il prefato principe si contentasse d'abbracciar l'unione che gli si propone. Ne si ha da guardar in questo caso a spesa, poichè Eugenio poverissimo pontefice, col dispendio che si sa, pagò galere, sostenne il concilio in Ferrara, et in Fiorenza, et rimandò alle case loro li Greci tutti pieni d'oro.

His vestigiis sanctissimis inhaerendo, poichè dalla reduttione del Mosco all'unione catholica dipende tanto gran servizio della cristianità, bene spese sarebbero alquante migliaia di ducati, tre, o quattro anni per veder quello, che si potesse a poco a poco fare, mediante (come ho sopradetto) il commercio, et il mandar in sù et in giù, et il conversar hinc inde cortesemente.

Ne' registri della sede apostolica si haverebbe da far notare, non solo la venuta di questo huomo, ma tutto quello, che di mano in mano si venirà facendo, per toccar questa attione la gloria di Dio, et la fama immortale del pontefice, che l'haverà incominciata, et incamminata, al quale Dio dia gratia di poterla finire, con esegutione insieme di tutti gl'altri suoi santi pensieri».

Свою стратегию действий он излагает в известном документе. Это инструкция, которую получил Поссевино перед отправлением в Московию. В законченном виде текст опубликован Шмурло⁶⁵. Однако не менее важны черновики этого пространного документа, которые сохранились в Секретном Архиве Ватикана. Мы узнаем, что текст переписывался многократно. Правя документ, кардинал Комо своей рукой вычеркивает и вписывает целые страницы. Затем переписчик вновь копирует документ с правкой кардинала, и все повторяется снова. Два первых черновика не датированы и не подписаны. Третья редакция первоначально была датирована: «Datum Romae in Palatio Apostolico die XVIII Martii 1581», и подписана кардиналом Комо. Затем Комо правит и дополняет текст вторично, и он получает новую дату: «In Roma in palatio apostolico die 27 Martii 1581»⁶⁶. Возможно, Комо не был готов потратить «три или четыре года» на выяснение «того, что мало-помалу можно сделать». Но в понимании сложности задачи ему отказать нельзя.

После возвращения Поссевино из Московии успех его миссии стремились преувеличить. Въезд в Рим русского посла и его аудиенция у папы Римского были устроены с большой помпой. Эти торжественные сцены оставляли впечатление, что присоединение Московии к католической церкви уже произошло или вот-вот состоится. По поводу необыкновенных знаков внимания, которых удостоился Молвянинов, посол герцога Мантуанского в Риме Одескалки в письме от 22 сентября 1582 года пишет: «Причиной этого может быть то, что сказанный Московит присоединится к латинской церкви, оставив греческую» («Nostro Signore gli fa usare molti carezze che potria forse esser causa che detto Moscovita s'adheriria alla chiesa Latina lasciando la Greca ch'egli osserva come scismatico, intendendosi ch'egli non si mostri abhorrente della fede catholica»)⁶⁷. Другие, повторяя этот слух, отмечают неясность ситуации. Франческо Джерини секретарю великого герцога Тосканского Антонио Сергуиди из Рима 17 сентября 1582 года: «Пока ничего не известно точно» («ma tutti questi particolari procedano da considerationi immaginate, non si sapendo per anco cosa alcuna chiara»⁶⁸). Двусмысленность происходящего выглядит преднамеренной.

В письме своему королю от 17 сентября Поль де Фуа высказывает неожиданное предположение. «Посла Московита», пишет он, встречали в Риме с большим почетом, чем

---

65 Памятники культурных и дипломатических сношений России и Италии, с. 220–228 (№ 302).

66 Первая редакция: Archivio Segreto Vaticano, Miscellanea, Armadio II, t. 146, f. 18v.–25v.; вторая: там же, t. 130, f. 6–14v.; третья: там же, t. 130, f. 15v.–24. Текст инструкции, напечатанный у А. И. Тургенева (Акты исторические, относящиеся к России. Т. 1, с. 299, № ССХII), воспроизводит третью редакцию документа, однако исправлениям, сделанным в этой последней редакции, он следует выборочно: приписки учитывает, а сокращения игнорирует. Само наличие правки никак не оговаривается.

67 Archivio di Stato di Mantova, Archivio Gonzaga, busta 931, f. 193–193v.

68 Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, filza 1187.

недавно приехавшего испанского посла. Аудиенция для него была устроена «не в обычной комнате для аудиенций, а в огромной зале» («en vne grande salle, non en la chambre ordinaire des audiences»). «Похоже, Его Святейшество, – заключает он, – хотел тем самым сгладить прием, оказанный испанскому послу, по поводу которого я ему жаловался»⁶⁹. Лучшей иллюстрации неясности действий курии не придумаешь.

Поссевино в Риме рассказывал небывлицы о плодах своей миссии. В письме Аннибале Капелло, одного из самых информированных людей в Риме, кардиналу Луиджи Эсте от 14 сентября 1582 года со слов Поссевино говорится о начале строительства в Московии католического храма. Это сообщение такого рода, что лучше его процитировать целиком, дав читателю почувствовать интонации Капелло. Он смеется над всеобщим доверием к рассказам Поссевино, которому остается верить на слово. Аннибале Капелло пишет так: «Что до меня, то я думаю, что если в будущем станут утверждать нечто и Поссевино этого не подтвердит, то будь это слова самого Платона, никто в них не поверит. Такой авторитет имеет Поссевино в наше время! Чего только он не порасскажет, ткнув пальцем в Антарктику, все проглатывают и всему верят, хотя это вещи странные. Прежде всего он рассказывает, что за три года он проехал семнадцать тысяч миль, а то и больше. Что Московит дал ему сначала, когда он взялся за переговоры о мире между этим Московитом и Поляком, 14 тысяч скудо и что на эти деньги он выкупил из рабства множество христиан. Что едва мир между двумя государями был подписан, упомянутый Московит дал ему 60 тысяч скудо. Этот синьор сказал, что дарит деньги, чтобы тот употребил их по своему разумению. Хотя пленникам была дарована свобода, Поссевино тотчас велел им копать фундамент для будущей церкви, которая на эти деньги, должно быть, уже построена. Это тотчас вызвало в тамошнем народе такой прилив набожности и умиления, что мужчины и женщины стремились принести все необходимое для постройки, что только могли. И так далее в том же духе»⁷⁰. Трудно сказать, есть ли в рассказе детали, отражающие реальные факты пребывания Поссевино в Московии. В разрешении на строительство католической церкви ему было отказано. Об этом говорится

---

69 Les Lettres de Messire de Paul de Foix, p. 601.

70 Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Avvizi e notizie dall'estero, busta 127: «Per me io credo che quando per l'avenire si dirà una cosa, et che il padre Possuino non la confermarà, non sarà cresa et di ancho di quelle di Platone, tant' è il credito che ha in questi tempi. Dice moltissime cose, dopo che viene a dar del dito nel Antartico, le quali senz'altro sono notate et crese, se ben hanno del stravagante. Principalmente racconta haver in 3 anni cavalcato diecesette milla miglia, et questa passa. Che il Mosco gli donò da principio che incominciò a trattare di pace fra esso Mosco et il Polacco 14 milla scudi et che di quelli ne riscosse tanti christiani schiavi et che subito che furono firmati i capitoli della pace fra ambi doi prencipi, pur detto Mosco gli donò 60 milla scudi, de quali, se ben dissi quel signore di donargli che acciò ne facesse ciò che paresse a lui, essendo suoi liberi che nondimeno fece subito cavar fondamenti per edificarvi una chiesa come hora mai deve esser finita di questa pecunia. Cosa che mosse subito quei popoli a tanta devotione et tenerezza, che tenti eran quelli così huomini come donne che possevano portare le cose necessarie per tal struttura, et così sia dicendo di queste cose, le quali spiacciono molto a i compagni della sua confraternità la quale forse per invidia lo tassa d'huomo ambiciosissimo et desiderosissimo d'applausi».

в русских посольских книгах, и если бы это было не так, о таком замечательном факте мы бы узнали из многих источников. Никаких христианских невольников Поссевино не выкупал. Речь идет о христианах, бежавших с турецких галер в Черном море и задержанных в Московии. Они были отпущены на родину вместе с Поссевино по его просьбе. Пленники находились в Вологде, куда был послан приказ об их освобождении всего за несколько дней до отъезда Поссевино. Ему сообщалось: «А будет не застанут тебя здесь на Москве, и государь велел их и после тебя отпустить за тобою в Смоленск, а из Смоленска в Оршу тот час отошлют»⁷¹. Воспользоваться ими как рабочей силой Поссевино не мог.

Антонио Поссевино являлся, по крайней мере, одним из тех, к кому восходят слухи о скором обращении «Московита». Такая информация поднимала престиж папства. Трудно поверить в то, что, превознося успехи своей миссии, он действовал без санкции свыше.

Что римляне могли выведать по поводу скорого обращения царя у Якова Молвянинова? По словам Московского летописца, религиозных вопросов тому было приказано не касаться: «А приказал государь изговорити так: “Велел тебе, папезю римскому, свое государево здоровье сказати, а о твоём спросити. А будет станут говорити о вере и ему сказатися, что грамоте не умеет, ратной человек, да взяв лук стреляти”. Так и учинил перед папою: убил под колпану трожды»⁷². Любопытную аналогию этой информации мы встречаем у биографа папы Григория XIII Маркантонио Чаппи, который называет Молвянинова человеком неотесанным и военным. «Первые [русские послы], – пишет он, – были людьми культурными и привычными к цивилизованной жизни, а эти вторые более неотесанные и больше пригодные, как у них водится, воевать с татарами, нежели править посольства» («essendo i primi [scl. ambasciatori] di costumi culti, et avezzi alla vita civile, et questi secondi più rozi, et atti più alle guerre contra Tartari, secondo il solito loro, che a portare ambasciarie»⁷³). То, что Молвянинов привез с собой лук, – чистая правда. Во время въезда в Рим его видели «с луком и колчаном на боку по обычаю его страны» («con arco et carcasso a lato all’usanza del lor paese», – свидетельствует посол герцога Гонзага Джованни Антонио Одескалки 15 сентября 1582 года⁷⁴). Впрочем, по поводу религии Молвянинов в Риме, видимо, что-то говорил. В одном донесении великому герцогу Тосканскому из Рима 3 октября 1582 года мы читаем: «Посол мог бы согласиться с тем, что его государь признал власть папы и следует обрядам католической церкви, но с

71 Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 10, ст. 329–330.

72 Московский летописец // Полное собрание русских летописей, т. 34, М., 1978, с. 229.

73 Ciappi M. A. Compendio delle heroiche et gloriose attioni et santa vita di Papa Gregorio XIII. Roma, 1591, p. 59–60.

74 Archivio di Stato di Mantova, Archivio Gonzaga, busta 931, f. 183–183v.

ним секретарь [второй человек в посольстве подьячий Тишина Васильев], который, кажется, думает иначе» («l'ambasciatore approverebbe, che il suo duca venissi all'obbedientia, et vivessi secondo il rito di questa chiesa, ma ci è un' secretario seco, che pare che l'intenda diversamente dall'ambasciatore»⁷⁵). Чем кончились переговоры о вере царя Ивана Грозного с Антонио Поссевино, кажется, толком не понимал сам Молвянинов.

Я возвращаюсь к мысли, высказанной выше. Разные эпизоды в истории контактов Московии и папства не связывают отношения причинности. Итогом переговоров с «Московитом», в глазах многих в Риме, была смесь неопределенности, разочарования и надежды. Почему они не продолжились – другой вопрос. Мы невольно видим миссию Поссевино в свете последующей истории отношений Рима и православного мира, окончившихся Брестской унией без участия Московского царства. Картины и тенденции домысливаются нами. Такие обобщения играют свою полезную роль. Но сколько труда и воли подчас надо потратить историку и его читателю, чтобы освободить факты от власти существующей картины и дать состояться новой.

* * *

Что, кроме религии, могло помешать отношениям России и Италии? Последняя тема, которую я хочу коротко прокомментировать, – культурные и человеческие конфликты, которые мы встречаем в нашем материале.

Об обманчивости некоторых представлений я писал в предшествующей статье и кратко повторяюсь. Говоря о потенциальных культурных различиях, встававших на пути сближения Московии и папства, мы прежде всего снова вспомним диалоги Ивана Грозного и Поссевино. Действительно, не кто иной, как царь Иван Грозный в разговоре с Поссевино подталкивает нас к поиску культурных противоречий между Россией и Западом. К числу таких неразрешимым вопросов он, в частности, относит бритье бороды, особенно одиозное в его глазах в случае священников, и традицию приветствовать папу Римского путем целования ног. Взяв любой такой вопрос, мы быстро выясним, что эти культурные противоречия весьма относительные, чтобы не сказать – мнимые. Обычай целовать ноги папе Римскому на Западе вызывал критику даже внутри католической церкви. У протестантов он вообще краеугольный камень образа папы-Антихриста. Бороды в России XVI века, как известно, не были всеобщим правилом, и бывало, что бороды брили сами цари – отец Ивана Грозного Василий III, Борис Годунов. А Западная Европа в XVI веке как раз переживает возвращение моды на ношение бороды. Все римские папы

---

75 Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, filza 3603, f. 403–403v.

начиная с Климента VII до конца XVII века были бородатыми. Борьбу за бритье бород в среде католических священников великий кардинал Карло Борромео начал всего за несколько лет до приезда в Италию «послов Московита». Он начал ее с того, что сбрил свою бороду, которую до того носил. Известно, что результаты этих усилий оказались более чем скромными. Если Иван Грозный думал, что католические священники непременно бреют бороду, то он ошибался⁷⁶.

Нельзя ли нащупать что-то более содержательное? Казалось бы, такой темой является оторванность Московии от остальной Европы в области письменной культуры, культурных коммуникаций и образования. Мешало это чему-то или нет? В каких-то вопросах – безусловно. Овладение истинами католической веры требовало знания латинского языка. Однако незнание московитами латыни имело свои положительные стороны. Латынь пришла в Европу из ее языческого прошлого, и, читая древних авторов, ученики постигали не одну грамматику. Христианство в Риме XVI века так сплелось с сомнительными языческими образами, что на сводах Сикстинской капеллы истины веры исходят одновременно от христианских пророков и языческих сивилл. Поссевино в «Московии» с удовлетворением отмечает: «Когда знатные римляне провели их [посольство Молвянинова] во дворец на Капитолии, где их любезно принимали со всем римским радушием, и кто-то спросил, не хотят ли они взглянуть на никчемные монументы языческих богов (точно это что-то важное), они всем этим погнушались (и правильно сделали)»⁷⁷.

Курия умело извлекает выгоды из того, что есть, включая само невежество московитов. В Московском государстве неверно оценивали роль папства в европейской политике. Обращение к папе с просьбой содействовать заключению мира со Стефаном Баторием основывалось на заблуждении. Известный исследователь папства Паоло Проди рисует любопытную картину. Проди пишет об окончательном разрушении в XVI веке той формы влияния папства в католической Европе, которая существовала в средние века. В ее основе лежал теократический принцип, представленный доктриной «plenitudo potestatis». Она означала, что папа как «викарий Христа» потенциально обладает полнотой власти над любой другой властью. Последние попытки отстаивать теократический принцип Паоло Проди датирует понтификатом Пия V. В системе государств Нового времени он оказался несостоятельным. Стремительный рост европейских держав оставлял пап на обочине европейской политики. Перед лицом этой угрозы идеология папства, по мнению Проди, совершает крутой поворот. С начала 80-х годов XVI века на место

---

76 См. об этом подробнее в статье, указанной в примечании 5.

77 Possevino A. Moscovia. Vilnae, 1586. Напомню еще раз, что в этом издании сплошной пагинации нет.

средневековой доктрины «plenitudo potestatis» ставятся идеи «нейтралитета» и вытекающей из него «посреднической» роли папства в международных делах. Несколько следующих десятилетий папство пытается бороться за свое убывающее влияние, навязывая себя в качестве «посредника» в европейских конфликтах, третейского судьи, помогающего находить справедливые решения⁷⁸.

В Московском царстве ничего подобного не предполагали. В письме папе Григорию XIII, посланном с Шевригиным, Иван Грозный просит его «от своего пастырства и учителя приказать» польскому королю Стефану Баторию, «чтоб Стефан король с бесерменскими государи не складывался и на кроворозлитье крестьянское не стоял»⁷⁹. Возможности «приказывать», которые были у папы Римского, в этих словах явно преувеличены. Обращение к папе, в этом смысле, оказывается сплошным недоразумением. Но римская курия использует представившийся случай, чтобы прочертить новую линию политики папства в Европе. Первое по времени свидетельство новой доктрины «посреднической» роли Св. Престола Паоло Проди находит в «Донесении» посла Венеции в Риме Джованни Коррера, составленном в июне 1581 года. (Это анализ политической ситуации, который венецианские послы по заведенной традиции представляли в Сенат по окончании должности.) Интересующая нас тема в этом документе изложена так: папа «как посредник, поддерживая отношения одинаково с обеими сторонами и не давая никому повода заподозрить его в предвзятости, может свободно вмешиваться в отношения между правителями с целью их взаимного примирения»⁸⁰. Джованни Коррер не приводит примеров, но известно, что пример он мог знать только один. Три месяца раньше он был свидетелем приезда в Рим царского гонца Истома Шевригина и отправки в Московию и Польшу папского эмиссара Антонио Поссевино. Культурная пропасть между Россией и Европой, в данном случае, оказывается Риму на руку. Царь Иван Грозный, возможно, так и не понял, какую услугу он оказал Св. Престолу! Привезя в Рим Молвянинова, Поссевино тут же отправился исполнять «посредническую функцию» в деле примирения польского короля и германского императора, чей спор из-за двух венгерских замков грозил обернуться войной.

Европа большая и разная, и многие культурные особенности Московии, на первый взгляд присущие только ей, где-нибудь обязательно находят аналогию. Надо внимательнее смотреть. Закрытость Русского государства, усугубившаяся при Иване Грозном, приводившая к таким фактам поразительного невежества в европейских делах,

---

78 Prodi P. Il sovrano pontefice. Un corpo e due anime: la monarchia papale nella prima età moderna. Bologna, 2006, p. 51, 340–342.

79 Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 10, ст. 11.

80 Le relazioni degli ambasciatori veneti al Senato / a cura di E. Alberi. Ser. 2, t. IV. Firenze, 1857, p. 284–285.

не составляет исключения. На другом конце континента похожие тенденции воплощались в политике испанского короля Филиппа II. Филипп II запрещал своим испанским подданным путешествовать по Европе, учиться в большинстве зарубежных университетов. При нем под строгий контроль был взят ввоз книг. Последствия этих жестких мер, естественно, не могли быть сопоставимыми с тем, что происходило в Московии (хотя бы в силу географического положения испанских Нидерландов), но в стремлении отгородиться от других две страны оказываются похожи. И испанский посол в Риме граф Оливарес, не знавший не одного языка, кроме своего собственного⁸¹, в этом отношении ничем не отличается от Шевригина и Молвянинова.

Наконец, есть сферы письменной культуры, где Рим со всем его культурным богатством никак не мог претендовать на превосходство, например, в ведении служебной документации. Когда в конце зимы 1581 года в Риме объявился «посол Московита», выяснилось, что информации о приеме предшествующих русских посольствах к папе Римскому никто в Риме собрать не может. Первый посол из Московии, возможно, прибыл в Рим еще при Василии Темном⁸². Мы точно знаем о посольствах деда и отца Ивана Грозного к папам Сиксту IV (Джан Баттиста делла Вольпе, или «Ивана Фрязина», в 1469 и 1472 годах), Иннокентию VIII (Юрия Траханиота в 1486 и Мануила Ралева в 1488 годах), Александру VI (Дмитрия Ралева и Митрофана Карачарова в 1500 году) и Клименту VII (Дмитрия Герасимова в 1525 и Еремея Трусова и Тимофея Лодыгина в 1528 годах). Папский церемониймейстер Франческо Муканцио по поручению папы тщетно ищет что-либо о приездах русских в записках своих предшественников, кому было положено фиксировать такие сведения. О посольстве Герасимова при Клименте VII вспомнили благодаря известному сочинению Паоло Джовио. Но у Джовио не нашлось информации, ради которой были затеяны поиски. Никаких сведений о приеме московитов он не приводит («quo tamen pompa, aut ritu receptus auditusque esset non exprimit», – сетует Муканцио)⁸³. Кардинал Комо в письме от 4 марта 1581 года смог сообщить папскому нунцию в Польше о двух русских посольствах в Рим «во времена Климента VII и Юлия

---

81 Les Lettres de Messire de Paul de Foix, p. 513.

82 См. документы в кн.: Barbieri G. Milano e Mosca nella politica del Rinascimento: Storia delle relazioni diplomatiche tra la Russia e il Ducato di Milano nell'epoca sforzesca. Bari, 1957, p. 79–81: три письма миланского герцога Франческо Сфорца, датированные 2 мая 1461 года. Они написаны папе Пию II, одному кардиналу, а также агенту герцога при папском дворе. В письмах сказано, что некто Николай Рали явился в Милан, а теперь отправляется к папе в Рим «по делам деспота России и его страны» («pro rebus illustrissimi domini despoti Russie et illius provintie»). «Деспот» не назван по имени, но, судя по дате, речь должна идти о московском князе Василии Темном. Мы знаем по русским летописям, что в конце XV века несколько греков «Ралевых» были послами его сына Ивана III (о них см.: Скржинская Е. Ч. Кто были Ралевы, послы Ивана III в Италию // Скржинская Е. Ч. Русь, Италия и Византия в средневековье. СПб., 2000, с. 170–174). Впрочем, и самозванцев, выдававших себя послов московского князя, всегда было много.

83 Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией, с. 190 (№ 266).

III»⁸⁴. Информация наполовину неверная. При Юлии III в Риме действовал некто Иоганн Штейнберг, выдававший себя за агента русского царя, но посольств из Московии не приезжало. Естественно, мне захотелось проверить Муканцио и самому заглянуть в книги папских церемониймейстеров, что я и сделал. Иоганн Бурхард вел свой известный «Дневник», первый текст такого рода, с 1483 по 1506 годы и по идее должен был описать приезд в Рим трех из пяти посольств Ивана III. Однако Бурхард вскользь упоминает лишь об одном⁸⁵. Даже если Муканцио эту запись видел, она не могла ему пригодиться. О посольствах, отправленных Василием III, в «Дневнике» Бьяджо Барони, дяди Муканцио, состоявшего церемониймейстером при Клименте VII, не сказано ни слова⁸⁶. Ранние дневники папских церемониймейстеров историки сегодня читают и публикуют как бесценные хроники папского Рима. Если это служебные документы, то далеко не безупречные.

Эти провалы в памяти и ведении документации оттеняет отлично налаженное делопроизводство московских приказов. Для встречи ответной миссии Антонио Поссевино несколько месяцев спустя в Москве был подготовлен целый пакет выписок из приказных книг с самым детальным описанием приема предшествующих посольств папы Римского. Исключением были старые кормовые книги Ямского приказа, сгоревшие при пожаре, и «корм» для Поссевино установили по аналогии с информацией о содержании послов императора, зафиксированной с той же скрупулезностью. Мало того, сами эти выписки сохранены и вклеены с множеством других документов в дело о приезде Поссевино⁸⁷. Удивляет не только сохранность документов, но и умение ими распорядиться, в нужный момент быстро найти и скопировать нужную бумагу. 28 июля 1581 года Грозный пишет из Старицы в Москву И. Ф. Мстиславскому и А. Щелкалову, веля доискаться «в старых книгах, каковы наказы дававылися преж сего приставом, которые бывали у папиных посланников в приставех». На другой день 29 июля они ему отвечают, что все готово: «А из книг есмя, государь, из старых выписали прежних папиных гонца и послов, хто к ним посылан на встречу и каков их бывал приезд в Москве и кто был в ответе, да тое есмя выпись послали к тебе ко государю»⁸⁸. О московском делопроизводстве удивленно и уважительно отзывается Поссевино. В Риме многие

---

84 Там же, с. 202 (№ 270).

85 *Johannis Burchardi Diarium, sive rerum urbanarum commentarii (1483–1506) / par L. Thuasne. T. 1. P., 1883, p. 323.*

86 Списков его «Дневника» много. См.: Ceresa M. *I manoscritti dei Diari del Maestro delle cerimonie Biagio Baroni Martinelli posseduti dalla Biblioteca Apostolica Vaticana // Miscellanea Bibliothecae Apostolicae Vaticanae, t. XV (Studi e testi, t. 453). Città del Vaticano, 2008, p. 171–190.* По совету М. Череза, я читал рукопись: *Biblioteca Apostolica Vaticana, Chig. L.II.22.*

87 Лихачев Н. П. Дело о приезде в Москву Антония Поссевино // *Летопись занятий Археографической комиссии. 1888–1894. Вып. 11. СПб, 1903. Отдел III, с. 19–26, 39–41.*

88 Там же, с. 7, 9.

отмечали, что за «послом Московита» ходит секретарь, который все записывает. Сохранившиеся до наших дней и опубликованные многостраничные «статейные списки» Шевригина и Молвянинова, как известно, всего лишь краткие выжимки из дневников посольств.

Отличием московитов Поссевино называет неприятие ими фривольных сцен и наготы в изобразительном искусстве. Сопровождая посольство Молвянинова, он шлет с дороги кардиналу Комо озабоченные письма о необходимости поселить московита в дальних покоях Ватикана. 11 августа 1582 года из Венеции: «Думается, будет очень полезно, если он [Яков Молвянинов] поселится в Риме не в доме какого-нибудь кардинала или другого синьора, а самых дальних комнатах Бельведера, в которых нет росписей или картин с изображениями голых или таких, которые представляют какую-нибудь распущенную вольность, так как московитов они удивительно шокируют». Далее он спрашивает, нельзя ли найти картин благочестивого содержания, лучше всего с изображением Спасителя и Богоматери, и устроить в комнатах что-то вроде красных углов. В письме от 6 сентября из Анконы снова о том же: «Ради любви к папе соблаговолите приказать, чтобы известили тех, кто развешивает в Бельведере гобелены или что-то еще (если посла поселят там), чтобы они не вешали изображений голых и язычников, и пусть ту Клеопатру Бельведерскую и другие непристойные вещи вроде нее московиты никоим образом не увидят, ибо, как я писал, они их в высшей степени шокирует и те укрепляются в их заблуждениях» (то есть в православии)⁸⁹. В Риме Молвянинова водили под конвоем, чтобы уберечь от ненужных впечатлений («*accioché dal veder et udir cose differenti dall'espettatione di questa città, esso ambasciator non ritornasse con differente concetto di quello che per aventura si vorrebbe nelli proprii paesi*»⁹⁰). Сделать это удавалось только отчасти. Поссевино свидетельствует: «Особенно московитов задевало (что и должно быть отвратительно каждому христианину), когда они видели... картины, написанные ради распутства (пусть на благочестивые сюжеты), обнаженные статуи и иные дьявольские изображения в домах и садах некоторых, кому Купидоны и Венеры, кажется, больше по вкусу, чем Христос и Дева Мария»⁹¹. Молвянинов посещал в Риме знаменитые сады кардиналов, которые ему показывали в числе главных римских достопримечательностей. Под любителями Купидонов и Венер Поссевино, без сомнения, имеет в виду кого-то из кардиналов Фарнезе, Медичи, Эсте.

---

89 Pierling P. Bathory et Possevino, documents inédits sur les rapports du Saint-Siège avec les Slaves. P., 1887, p. 167, 217 (№ 46, 57).

90 Там же, p. 239 (№ 68: донесение посла Венеции в Риме Леонардо Дона от 23 октября 1582 года).

91 Possevino A. Moscovia. Vilnae, 1586.

На первый взгляд ситуация выглядит достаточно ясной. Действительно, даже в Ватиканском дворце не во всякую комнату московитов с их представлениями о прекрасном следовало пускать. Чего стоит одна ванная комната («stufetta», «банька») кардинала Библиены, декорированная голыми Венерами по мотивам Овидия! Казалось бы, более вопиющего культурного различия двух стран нельзя себе придумать. Однако мы спотыкаемся на том, что наши информаторы Поссевино и его спутник Паоло Кампана сами горячо осуждают наготу в искусстве итальянского Возрождения. Два иезуита прямо пишут, что позиция московитов в этом вопросе является наиболее приемлемой для христианина. «Достойно сожаления – замечает Кампана – что в этом вопросе схизматики превосходят нас католиков»⁹².

Мы знаем, каким разным было отношение к изображению наготы в Италии на протяжении XVI века. Я вспоминаю историю одной фрески. Один из самых веселых анекдотов эпохи Возрождения, рассказанный Вазари, повествует о папском церемониймейстере Бьяджо из Чезены. По поводу работы Микеланджело над фреской «Страшный суд» в Сикстинской капелле он якобы сказал: «Какое бесстыдство – изображать в таком святом месте столько голых людей, демонстрирующих свои гениталии. Подобное годится для бань и кабаков, а не для папской капеллы». В наказание Микеланджело изобразил его на своей фреске в образе царя Мидаса, кого Аполлон наградила ослиными ушами. Церемониймейстер Бьяджо из Чезены – тот самый Бьяджо Барони, не оставивший нам свидетельств о посольствах отца Ивана Грозного к папе Клименту VII, родной дядя нашего церемониймейстера Франческо Муканцио. Если эта история не выдумана, то она могла случиться около 1540 года. Так или иначе, известно, что знаменитая фреска Микеланджело уже в момент написания вызвала неприятие со стороны многих влиятельных лиц, включая кардиналов, с кем он не мог обойтись столь бесцеремонно, пытавшихся добиться ее уничтожения. Особенно комично участие в хоре критиков произведения Пьетро Аретино, родоначальника порнографической литературы.

За этой позицией было будущее. Изображение наготы было осуждено Тридентским собором. Борьба за целомудренность в искусстве стала одним из символов Контрреформации. Святой Карло Борромео уничтожал нагие изображения, где только мог. Отношение к фреске Микеланджело, естественно, было особым. Другой знаменитый диалог, в подлинности которого сомневаться не приходится, произошел между венецианским художником Паоло Веронезе и судом инквизиции в 1573 году. Защищаясь от обвинений в свой адрес, Веронезе упрекнул Микеланджело в том, что тот изобразил в Сикстинской капелле Христа и весь сонм святых нагими и в неприличных позах. Ответом

---

92 Ioannis Pauli Campani Relatio de itinere Moscovitico // Antemurale. Roma, 1960/61. Т. 6, р. 41.

инквизитора были слова: «В этих фигурах нет ничего плотского» («in quelle figure non vi è cosa se non de spirito»). Мысль о том, чтобы сбить выдающуюся фреску, на чем настаивали некоторые, не находила понимания. В 1559 году папа Павел IV приказал художнику Даниеле из Вольтерры одеть некоторые фигуры и переписать изображения святых Бьяджо и Екатерины Александрийской, чьи позы напоминали совокупление. В 1566 году по поручению папы Пия V были прикрыты драпировками остальные образы. Климент VIII, не желая удовлетвориться этими полумерами, решил уничтожить фреску и не стал этого делать, лишь уступив мольбе Академии Св. Луки. Уничтожить ее еще в 1570 году советовал Эль Греко, предлагая свои услуги живописца.

С приездом Молвянинова в Италию совпало несколько важнейших выступлений противников показа наготы в изобразительном искусстве. В 1582 году вышел знаменитый трактат архиепископа Болонского кардинала Габриеле Палеотти о христианском искусстве⁹³. В письме кардиналу Борromeо от 29 августа 1582 года Палеотти едва упоминает о проезде через Болонью посольства Якова Молвянинова⁹⁴. Мы, тем не менее, знаем, «посла Московита» встречали в Болонье с размахом⁹⁵. 22 августа 1582 года датирован другой интересный документ – письмо скульптора и архитектора Бартоломео Амманнати, адресованное членам флорентийской Академии Рисунка. В послании Амманнати глубоко раскаивается в своих произведениях, изображающих обнаженную натуру, и призывает академиков оградить от этого зла юношество⁹⁶. По-видимому, некое сочинение в защиту нравственности в изобразительном искусстве написал сам Поссевино. Его упоминает Р. О. Кристеллер в своем описании бумаг кардинала Габриеле Палеотти, которые хранятся в частном архиве Изолани в Болонье⁹⁷. Возвращаясь к Молвянинову, остается заметить, что линия фронта в культурном конфликте пролегает не там, где мы ожидали ее встретить.

Почему в этой связи мы слышим только о Молвянинове? Хотелось бы обратить внимание на один эпизод из сочинения Паоло Кампана «*Relatio de itinere Moscovitico*». Этот важнейший текст, найденный А. М. Амманном и опубликованный больше

---

93 Paleotti G. *Discorso intorno alle immagini sacre et profane*. Bologna, 1582.

94 Biblioteca Ambrosiana, F 66 inf., f. 121.

95 Из неопубликованных материалов, кроме болонских хроник, упомянутых в примечании 17, особенно интересны два свидетельства: Письмо Кристофоро Чефоли графу Теодоро Санджорджо из Болоньи в Мантую от 29 августа 1582 года, Archivio di Stato di Mantova, Archivio Gonzaga, busta 1161, f. 516, и Avviso из Рима от 12 сентября 1582 года, Biblioteca Apostolica Vaticana. *Urbinates Latini*, t. 1050, f. 335. Сохранилось даже имя коня, выигравшего скачки, устроенные для московитов. Жеребца звали Марчелло.

96 Bottari G., Ticozzi S. *Raccolta di lettere sulla pittura, scultura ed architettura scritte da' più celebri personaggi dei secoli XV, XVI, e XVII*. V. 3. Milano, 1822, p. 532–539.

97 Kristeller P. O. *Iter Italicum. A finding list of uncatalogued or incompletely catalogued humanistic manuscripts of the Renaissance in Italian and other libraries*. Vol. 5. London, 1990, p. 505. Текст озаглавлен: «*Ragioni per le quali i pittori et scultori debbono per ogni modo se vogliono salvarsi astenersi dal dipingere et scolpire cose lascive o che dieno occasione di tristi et brutti pensieri*». По сообщению Р. О. Кристеллера, рукопись серьезно пострадала во время войны. Не ясно, что от нее осталось.

пятидесяти лет назад, насколько я понимаю, совершенно неизвестен отечественным историкам. Между тем в ряде отношений данное свидетельство намного ценнее и достовернее свидетельств Поссевино. В отличие от текстов, опубликованных в его книге «Московия», «Донесение» Паоло Кампаны написано по горячим следам поездки к царю Ивану Грозному, осенью 1581 года, и не подвергалось последующей редакции. Излагая сцену предварительного осмотра подарков, привезенных Поссевино для царя Ивана Грозного, русскими приставами в Старице, Кампана упоминает следующую деталь. Среди даров папы Римского была картина, изображающая Деву Марию с нагим младенцем на коленях, у ног которого был нарисован нагой Иоанн Креститель. Дальше автор пишет так: о том, что москвиты не терпят изображений наготы, Поссевино впервые услышал в Литве, где он уже не сумел найти художника, кто мог бы дорисовать одежды. Приставам картина, по-видимому, не понравилась. Они сообщили о ней своему государю, который прислал других людей. Те снова ее осматривали, но ничего определенного Поссевино не сказали. В итоге он так и не решился ее вручить⁹⁸. Вывод из этой истории очевиден: тему показа наготы в изобразительном искусстве Шевригин с ним не обсуждал. В самом деле, нет никаких сведений, что Истома Шевригин в Италии хотя бы обмолвился о своем неудовольствии по поводу того, чем без конца возмущался Молвянинов. Поведение Якова Молвянинова отличается от поведения Шевригина и от поведения царских слуг в Старице, не захотевших Поссевино ничего толком объяснить и не сказавших, что ему делать с привезенной картиной. Личности Молвянинова, его поступков здесь оказывается слишком много, а слова о культуре и отличиях – слишком общими, чтобы мы могли легко ими пользоваться. Это слова о чем-то другом, они наполняются смыслом в других словоупотреблениях и контекстах.

В предыдущей статье я указывал на одну тему, которая в моих материалах, по моему, в наибольшей мере отвечает идее культурных различий двух стран. Я говорю об употреблении имен. Русские с удивительным упорством пытаются называть всех по именам. Это продолжается даже в тех случаях, когда такая информация кажется совершенно лишней. Напротив, в Италии именами часто пренебрегают. В «статейных списках» Шевригина и Молвянинова мы встречаем два списка имен. Один я упоминал: это лица, руководившие встречами посольства Молвянинова по пути его следования на территории Венеции и папского государства. Все имена записывали русские, и пропусков и ошибок в этом перечне нет. Другой перечень – имена послов, находящихся в Риме, и он записан Шевригиным с чужих слов. Здесь картина совсем иная, полнотой и точностью она

---

98 См. примечание 91. Существует немецкий перевод «Донесения» Паоло Кампаны: Ammann A. M. Ein russischer Reisebericht aus dem Jahre 1581 // Ostkirchliche Studien. Würzburg 1961, Bd. 10, S. 156–195, 283–300.

не отличается⁹⁹. Правильно названы по именам послы испанский, португальский, польский, Венеции, эрцгерцога Фердинанда, великого герцога Тосканского и герцога Клевского. Но многие другие остались для Истома безымянными («а тем послом имян не мог проведати», «а проведать его было некем, как ему имя»): это послы французского короля и герцогов Феррарского, Мантуанского, Пармского и Урбинского. Посол герцога Савойского «Анца Фридрих» и германского императора «Анца Фридрих Мандруцув» – одно лицо. Джованни Федерико Мадруцци был послом герцога Савойского и сообщает ему о Шевригине в письме от 6 марта 1581 года¹⁰⁰. Но где-то около этого времени он переходит на службу к императору. О Молвянинове на следующий год он пишет как посол императора¹⁰¹. «Князя Веринского посол дохтур Ондреян», – также неточная информация: Андреас Фабрициус, или Андре Лефевр, перестал быть послом герцога Баварского в Риме в 1579 году, а нового у герцога, кажется, не было; скорее всего потому его и упомянули.

Как это культурное различие сказывается в отношениях? Очень просто: итальянцы все время попадают впросак. Самый известный казус – письмо царице Анастасии. Поссевино привез в Старицу письмо и подарки на имя первой жены Ивана Грозного, скончавшейся двадцать лет назад¹⁰². Как это получилось? Вина за это недоразумение лежит на Поссевино. Письмо папы Римского жене правителя Московии датировано 15 марта 1581 года (как и его письмо самому Ивану Грозному). Мы точно знаем, что на самом деле оно было написано позже. Это письмо кардинал Комо выслал Поссевино только 31 марта, когда он и Шевригин уже выехали из Рима. Имени царицы в письме проставлено не было. Поссевино поручалось выяснить имя у Шевригина и вписать собственноручно¹⁰³. Эту заминку и беспокойство Комо легко понять. Нунций в Польше Калигари сообщал ему в письме от 16 февраля: «Говорят, что сей Московит часто женится и разводится и что он в разводе уже двенадцатый раз»¹⁰⁴. Истома Шевригин выехал из Москвы в день женитьбы царя на Марии Нагой 6 сентября 1580 года¹⁰⁵. Мог ли Шевригин так об этом и не узнать? Секретарь Франчески в Венеции выясняет у Шевригина: первая жена (Анастасия) родила Грозному сыновей Ивана и Федора; со второй женой у него

---

99 Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 10, ст. 28–29.

100 Archivio di Stato di Torino, Materie politiche per rapporto all'estero, Lettere ministri, Roma, mazzo 8, № 213.

101 Донесение Джованни Федерико Мадруцци императору Рудольфу II из Рима 30 сентября 1582 года, Österreichisches Staatsarchiv. Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Rom, Berichte 1575–1600, Bd. 47, f. 247.

102 Письмо опубликовано в «Московии» Поссевино, русский перевод – в кн.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 10, ст. 85–86.

103 Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией, с. 228 (№ 304).

104 Там же, с. 184 (№ 256).

105 Дату отправления посольства 6 сентября называет Н. Н. Бантыш-Каменский в кн.: Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 2. Москва, 1896, с. 269. Письма, которые повез Шевригин, датированы августом 1580 года.

детей не было, и после ее смерти «он больше не хочет жениться» («sta rissoluto di non più maritarsi») ¹⁰⁶. Русские, видимо, не хотели много рассказывать о женах Ивана Грозного, число которых его не украшало. Но и Поссевино не захотел долго разбираться. 14 апреля Поссевино отвечал кардиналу по поводу царицы: «Если я правильно понял то, что сказали эти московиты, она умерла и звали ее Анастасия. Впрочем, кажется, будет неплохо вручить это письмо их правителю, который ее любил» ¹⁰⁷.

С той же беспечностью и мыслью, что ничего страшного, Антонио Поссевино называет Истому «Фомой». Как я уже писал, кроме официальных документов папы и Венеции, Шевригин и Молвянинов в Италии фигурируют под безликим обозначением «послы Московита». Из этого правила существует всего несколько исключений, разбор которых оставляет сильное впечатление. Из всех, кто пытался назвать «послов Московита» по имени, никто не смог этого сделать. Все ошиблись. Необычное стремление выискивать и называть имена собственные отличает хроника Чезаре Кампаны. Но он путает Шевригина со своим однофамильцем ¹⁰⁸ иезуитом Паоло Кампана, занемогшим в Московии и вернувшимся в Рим с письмами Ивана Грозного осенью 1581 года ¹⁰⁹. Асканио Челсо в письме кардиналу Александру Фарнезе от 24 сентября 1582 года отчитывается о приеме, устроенном для Молвянинова в садах Фарнезе на Римском форуме (тогда это место называлось «Коровьим полем», «Campo Vaccino») и Палатине. Как Асканио Челсо обращался к Якову Семеновичу Молвянинову, мы не знаем, но в письме русский посол упоминается под именем «синьора Филиппа» ¹¹⁰.

Долгое время загадкой для меня оставалось одно неясное наименование Молвянинова в «avviso» от 15 сентября 1582 года из Ватиканской библиотеки: «questo Ptdomiz» ¹¹¹. В тупик оказался поставлен не я один. В другом списке этой газеты, сохранившемся в библиотеке Ariostea в Ферраре, «Ptdomiz» заменено словом «barbaro» ¹¹² (получилось грубовато, но понятно). Потом все встало на свои места. В вольном переложении того же текста, сделанном Аннибале Капелло, в Архиве Гонзага я прочел:

---

106 Pierling P. Bathory et Possevino, p. 37 (№ 3).

107 Там же, p. 55 (№ 9).

108 Хронист Чезаре Кампана был родом из Аквилы. Иезуит Паоло Кампана – видимо, из Реджо (см. донесение Валентино Флорио герцогу Феррарскому из Праги 23 мая 1581 года, Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Ambasciatori, Germania, busta 36: «il padre Paolo Campana Reggiano»; Avviso из Праги 16 мая 1581 года, Biblioteca Apostolica Vaticana. Urbinates Latini, 1049, f. 212: «il padre Possevino et il Campana Regiano»; Avviso из Праги 16 мая 1581 года, Archivio di Stato di Mantova, Archivio Gonzaga, busta 1985, f. 590: «li padri Possuino, Campana, et Rygiano».

109 Campana C. Delle historie del mondo... Volume secondo, che contiene libri sedici, ne' quali diffusamente si narrano le cose auenute dall'anno 1580 fino al 1596. Venezia, 1597, p. 57.

110 Archivio di Stato di Parma, Carteggio Farnesiano, Estero, busta 493.

111 Biblioteca Apostolica Vaticana. Urbinates Latini, 1050, f. 336–336v.

112 Biblioteca Ariostea di Ferrara, classe I, n. 173, f. 105v–106.

«questo Plodomer»¹¹³. В его же «avviso», написанном на день раньше 14 сентября, из Модены – «questo Plodimir»¹¹⁴. Ошибочное написание «Ptodomiz» легко объясняется палеографически: «g» в незнакомом слове легко может быть прочитано как «z», а «l» как «t». Такое бывает сплошь и рядом. Следовательно, имя, которое присваивается Якову Молвянинову на этот раз, – «Владимир».

Существует одно свидетельство, которое может показаться исключением из правила. Это рукописный сборник материалов по истории знаменитой Академии Olimpica в Виченце¹¹⁵. Известность этому ученому обществу принесла, впрочем, не столько литературная и научная деятельность его членов, сколько возведенный для него театр – Teatro Olimpico, который приписывается Палладио, но, на самом деле, построен не менее замечательным архитектором Скамоцци. В недостроенном театре послу из Московии было устроено чествование с декламацией сочинений, написанных в его честь, и ученой речью, произнесенной одним из академиков («fu con tutta la compagnia onorato dalli signori Olimpici in Teatro, tuttoché imperfetto, e gli furono recitate composizioni in sua lode ed una erudita orazione»). Упомянутые сочинения, возможно, являлись не просто хвалебными одами, а разыгранными драматическими сценами. В другом месте сборника есть короткая запись с упоминанием сценического представления («Moscovita 1581, con il padre Possevino con una collation, scena, musica et oration»). О торжественной речи известно немного больше: имя «олимпийца», выступившего от лица Академии. Речь фигурирует в списке «внеочередных речей» («Discorsi, lezioni et orazioni straordinarie nella Residenza et nel Teatro Olimpico»), где находится такая запись: «1582... Del signor Pagello all'ambasciatore del Moscovita Giacomo Movelmino». В списках академиков около интересующего нас времени значатся несколько лиц, носящих фамилию Паджелло, но скорее имеется в виду местный драматург и оратор Ливио Паджелло (сохранилась его речь, которая была произнесена по случаю приема в Accademia Olimpica японских послов в 1585 году).

Рукопись, о которой я говорю, видимо, XIX века, но составителем сборника в ней называется эрудит середины XVIII века Бартоломео Дзиджотти. Это, безусловно, впечатляющий памятник живой традиции местного ученого общества. (Косвенным доказательством существования не просто записей событий, а живой устной традиции служат упоминания праздника в путеводителях и записках путешественников рубежа XVI

---

113 Archivio di Stato di Mantova, Archivio Gonzaga, busta 1986, f. 444–444v.

114 Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Avvizi e notizie dall'estero, busta 127.

115 Biblioteca Civica Bertoliana di Vicenza, ms. 2916, p. 40, 92, 201.

и XVII веков¹¹⁶.) Тем не менее наконец-то услышанное нами имя «Giacomo Movellino» едва ли имеет к ней отношение. Рассказ о приеме Якова Молвянинова оканчивается у Б. Дзиджотти ссылкой на фундаментальный исторический труд, написанный замечательным эрудитом Сильвестро Кастеллини (1576–1630). Его многотомная «История Виченцы» мыслилась им как акт безмерной любви к родному городу и его жителями. Однако тщательная работа историка невольно обнажила более чем скромное происхождение стольких благородных семейств, что труд пролежал в рукописи двести лет и был опубликован только в XIX веке. Сильвестро Кастеллини упоминает проезд через Виченцу русского посла «Giacomo Movellino» в правление капитана Алвизо Брагадина¹¹⁷. Запись, оставленная Молвяниновым, немного точнее: «А наместники в Виценту Марп Петр да Лесий Драгадин»¹¹⁸. Действительно, Виченца, как и другие города венецианской «террафермы», управлялась подеста и капитаном. Эти должности занимали Джованни Малипьеро и Алвизо Брагадин. Можно не сомневаться, что имя «Giacomo Movellino» Кастеллини извлек из какой-то официальной бумаги, по-видимому, отчета капитана о приеме московитов. Сообщение Кастеллини никаких особенных подробностей не содержит. Яков Молвянинов вообще пишет, что ничего особенного и не было («а встречи и всякие почести и корм в Виценту были по тому, как и в Вероне»). Если бы не историческая традиция Академии Olimpica, мы упустили бы много интересного, но имени Молвянинова не сохранила и она.

Московиты, кажется, не заметили реформы календаря. Современный календарь, названный по имени папы Григория XIII, был введен во время пребывания в Риме посольства Якова Молвянинова (в ночь с 4 на 15 октября 1582 года). Узость сферы контакта стоит иметь в виду, это не встреча всего со всем. Те стороны культуры, которые в нашем случае сталкиваются непосредственно, – посольские обычаи.

Естественно, можно назвать конфликтные ситуации, возникающие на этой почве. Особенно трогательной мне кажется история трубачей и барабанщиков из города Фаэнцы. Молвянинов был принят горожанами и их епископом, как встречают не гостей, а хозяев («con quella pompa, colla quale si sogliono ricevere i padroni, che cosi era ordine del papa»). Им оставалось удивляться, что за прием московиты никому ничего не заплатили, как это было принято в Италии («nel partire non donavano cosa alcuna nè a servitori, nè a tamburini,

---

116 Например, у Томаса Кориэта, чье путешествие состоялось в 1608 году. Coryat's Crudities: Hastily gobbled up in Five Moneth's Travels. London, 1611, p. 299: «Certaine Moscovite Ambassadors that came from Rome, were very honourably entertained in this Theater with musicke and a banquet».

117 Castellini S. Storia della città di Vicenza. T. 14. Vicenza, 1822, p. 127.

118 Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 1, ст. 875.

nè a trombetti, come si costuma in Italia») ¹¹⁹. Те со своей стороны, например, были крайне уязвлены нежеланием папы обнажать голову при упоминании имени правителя Московии, как это делал Иван Грозный при упоминании папы Римского ¹²⁰. Поразительно другое – то, как легко во многих случаях стороны готовы отступить от своих обычаев и перенимать чужие. Мы представляем себе посольские обычаи чем-то предельно рутинным, некоей застывшей формой, а москвитов – держащимися своих посольских обычаев так непреклонно и слепо, как никто другой. Такую статичную картину рисует Л. А. Юзефович ¹²¹. Этот взгляд навеян определенными источниками и методами работы с ними. Ситуации, встающие передо мной, пронизаны духом свободной игры и импровизации.

Год назад я описал поразительный случай ¹²². Истома Шевригин в Риме стал свидетелем торжественной церемонии с участием португальского посла, в ходе которой стреляли из пушек. Это так понравилось ему и затем Ивану Грозному, что Поссевино в Смоленске тоже решили встретить пушечным салютом. Такая форма приветствия послов затем приживается на русской почве, входит в дипломатический обиход и становится своей. Но не менее удивительно то, с какой молниеносной скоростью реакции русских уловили в Италии и сами на них отреагировали. Гром пушек сопровождал следующий приезд Молвянинова, и можно подумать, что эту идею подал Поссевино. На самом деле, все еще интереснее. Салют попытались устроить еще Шевригину, который так восхищался салютами, на обратном пути из Рима. Пушечный салют должен был состояться в Болонье, но этого не позволил сделать местный архитектор. В это время в Болонье шло активное строительство Palazzo del legato. По словам хрониста Аламманно Бьянкетти, бомбарды уже вытащили из дворца на площадь, когда к папскому легату кардиналу Чези пришел руководитель стройки и объяснил, что новые стены еще не высохли и обязательно рухнут ¹²³.

---

119 Gregorio Zuccolo, Memorie della città di Faenza dall'origine sino al 1608. Biblioteca comunale di Faenza, Ms. 24/1.

120 Особенно интересны два свидетельства: письмо посла Венеции в Риме Леонардо Дона от 23 октября 1582 года (Pierling P. Bathory et Possevino, p. 239, № 68) и, как всегда, газета Аннибале Капелло от 15 октября (Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Avvizi e notizie dall'estero, busta 127).

121 Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...»: Русский посольский обычай конца XV – начала XVII веков. М., 1988; Он же. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб., 2007.

122 См. примечание 5.

123 Alamanno Bianchetti, Annali di Bologna fino al 1599, Biblioteca Universitaria di Bologna, ms. 290, t. III, f. 367–370: «A dì 6 giunse in Bologna incontrato da molta nobiltà, e volendo il legato all'arrivo onorare con tiri di molte bombarde le fece condurre fuori il palazzo, e caricar su la piazza, ma Lorenzo d'Antonio Tribilia archirettore alla nuova fabbrica delle stanze et all'agrandimento della galeria di palazzo che tutta via questa è quelle si fabricano, andò al legato, e disse che sparando si temeva, che le nuove mura sopra le vecchie fabricate non ancor secche ruinassero, per il che subito fece ritornare a suo luogo nella monicione in palazzo, notando che le stanze, che si fabbricavano, erano sopra le bandine et il torrone».

Прием в Риме второго русского посольства Молвянинова был смоделирован по образцу приема Поссевино в Московии. Такое буквальное повторение русских посольских обычаев мы встречаем в организации питания. Это были горы еды, которую выдавали по приказу папы. Ежедневный рацион посольства Молвянинова в Риме выглядит копией документов московских приказов. Только птицы в нем значится четыре индюшки, 50 перепелов, 50 славок, две дюжины горлиц, полдюжины каплунов, 50 голубей, а кроме того, 200 фунтов телятины и т. д.¹²⁴ «Да и повары были папины», – прибавляет Молвянинов¹²⁵. Понятно, что других послов в Риме никому не приходило в голову кормить. Поссевино исполнял при Молвянинове роль русского пристава. Это означало не только принятие на себя забот о посольстве, но и то, что он мог потребовать от москвитов все, что считал нужным. Многие наблюдатели поражались, что «посол Московита» слушается Поссевино и делает то, что тот ему велит, точно он имеет над ним какую-то власть («*che mostra havere tal auttorità che cotesto non possa far un passo, non che aprire la bocca senza intervento suo*»¹²⁶). Русскому человеку природа такой власти была понятна. Наконец, в Риме Молвянинов был посажен под замок, и его общение с другими людьми было ограничено. «Его препроводили в дом кардинала Колонна, – сообщает во Флоренцию Франческо Бабби 15 сентября 1582 года, – где к нему была приставлена стража, чтобы с ним не мог говорить никто, кроме тех, кто по приказу Его Святейшества должен был ему служить... Под арест он был взят для того, чтобы с ним не мог говорить никто, потому что Поссевино по прибытии в Московию тоже посадили под арест, чтобы с ним не мог говорить ни один человек, кроме тех, кому тот князь поручил уладить спор с королем Польши. Поссевино отвели деревянный домишко за городом, и он так и не смог встретиться с послом, который был здесь раньше и уехал вместе с ним»¹²⁷.

Римская курия в общении с москвитами буквально перенимает целый ряд их посольских обычаев. Но самое интересное даже не это, а то, как быстро она ухватывает и перенимает их дух. Следование обычаям, о существовании которых никто в Риме до тех пор не имел представления, переживается как необходимость. Вдруг оказывается, что они то, без чего нельзя обойтись. Дворец Колонна, где поселили Молвянинова, был

---

124 Газета А. Капелло от 17 сентября 1582 года, Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Avvizi e notizie dall'estero, busta 127.

125 Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 1, ст. 881.

126 Донесение Камилло делла Кроче кардиналу Луиджи Эсте из Венеции 11 августа 1582 года, Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Ambasciatori, Venezia, busta 80.

127 Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, filza 3603, f. 398–398v.: «*accompagnato a casa del cardinal Colonna, dove gli fu messa guardia, che non gli potessi parlar' nessuno, se non quelli, che Sua Santità havea deputati al servizio suo... Questa inhibitione, che gl'è stata fatta che non gli possa parlar' nessuno, perché arrivando il Possuino in Moscovia fu fatta inhibitione, che non gli potesse parlar' homo, se non quelli, che fusser' deputati da quel duca sopra le differentie che havea col re di Pollonia, e gli fu fatta una casetta di legname fuor' della città, e non potesse mai vedere quell'ambasciator che fu prima qui e che andò in sua compagnia la*».

немедленно осажден толпами любопытных, жаждавших его увидеть («la plebe avida di vedere le novità correva al suo palazzo per vederlo»¹²⁸), «синьоры и дворяне» пытались войти («signori et gentilhuomini che ci volevano entrare»¹²⁹). Воображение повсюду угадывает турецких и английских шпионов, которые крадутся к русскому послу. В том же письме Франческо Бабби приводит следующую информацию: «В тот же вечер один грек, который живет при здешнем дворе, но, что за человек, не известно, выдав себя за одного из членов посольства, явился на глаза послу. Однако, поскольку он не был из посольства, его выставили вон. Тем не менее он вернулся в шесть часов, и, так как в это время стражи уже не было, кто-то из своих провел его внутрь, и он беседовал с послом с глазу на глаз до двенадцати часов. Насколько известно об этом деле, его схватили с большой строгостью и бросили в застенки. Есть подозрения, не исполнял ли он какого-то плохого поручения, ибо тот князь, кажется, не принес послушания Апостольскому Престолу, что еще предстоит выяснить»¹³⁰. Потом писали, что человек, проникший к Молвянинову, никакой не грек, а англичанин, и как шпиона английской королевы его препроводили в Инквизицию¹³¹.

Необходимость держать русских под замком является твердым убеждением Поссевино. Примечательные сцены разворачиваются в Венеции, где москвиты еще ходят, куда захотят. Греческая община города пригласила Молвянинова посетить службу в православной церкви San Giorgio dei Greci. Молвянинов отправляется туда, о чем Поссевино узнает в последнюю минуту. Он бросается в погоню, настигает его и приказывает отправиться домой. К удивлению собравшейся толпы Яков Молвянинов безропотно подчиняется. Возмущенные греки пытаются жаловаться в Сенат, а Поссевино энергично доказывает властям города свою правоту. Секретарь Франчески передает дожу

---

128 «Avviso» Аннибале Капелло для кардинала Луиджи Эсте из Рима 15 сентября 1582 года, Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Avvizi e notizie dall'estero, busta 127.

129 Донесение Теодозию Паницца кардиналу Луиджи Эсте из Рима 14 сентября 1582 года, Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Ambasciatori, Roma, busta 117.

130 Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, filza 3603, f. 398–398v.: «non lassando di dire a Vostra Altezza, che questa medesima sera un' Greco, che è in questa corte, ma non so chi si sia fingendo esser' de sua si rappresentò al conspetto dell'ambasciator, ma visto che non era de sua, fu mandato via, ma tornò alle 6 hore, e non si facendo più guardia a quell' hora fu intromesso da certi sua, e stette a parlamento con l'ambasciatore a solo a solo fino alle 12 hore, e come questa cosa si seppe, lui fu preso con molto rigore, e messo in segreta, e si dubita, che non habbi fatto qualche male offitio, perché quel duca non venghi all'obedientia della sedia apostolica, che questo ancor' si dovrà intendere».

131 Донесение Франческо Бабби великому герцогу Тосканскому из Рима 17 сентября 1582 года, Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, filza 3603, f. 427–427v.: «Quello che fu preso era un' Inglese, ma non si sa quel che habbi confessato»; «Avviso» Аннибале Капелло для кардинала Луиджи Эсте из Рима 19 сентября, Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Avvizi e notizie dall'estero, busta 127; «Fu preso in casa del Moscovito un Inglese et condotto al Santo Officio»; он же 21 сентября, там же: «L'Inglese che fu preso in casa di questo Tartaro è stato scoperto per spia della regina d'Inghilterra»; «Avviso» из Рима 22 сентября, Österreichische Nationalbibliothek. Cod. 8955, f. 132: «In casa del detto ambasciatore fù preso l'altro di un Inglese scoperto spia della regina d'Inghilterra, che trattava secretamente seco, et fù condotto al Santo Officio dell'Inquisitione»; «Avviso» из Рима 22 сентября, Biblioteca Ariostea di Ferrara, classe I, n. 173, f. 109–109v.: «In casa del detto ambasciatore Mosco fù preso l'altro di un inglese, che trattava segretamente seco, et condotto al Sant'Uffitio dell'Inquisitione, sendosi scoperto spia della regina d'Inghilterra».

состоявшийся разговор, упоминая такие подробности: «Он мне сказал, что слышал, будто один греческий монах, который был турком («un caloiro, il quale era stato Turco»), передал послу какие-то письма, что наводит его на нехорошие мысли («che non gli dava da pensar bene»); что лучше было держать москвитов под стражей («tener costoro ristretti sotto buona guardia»), как он советовал с самого начала, и не позволять им слоняться по городу... и в заключение, что тот, кто не будет держать их под стражей, никакой пользы от них получить не сможет («che chi no li tenesse in buona guardia et ristretti, non si haveria potuto cavar mai alcun construtto da loro»), ибо – факт есть факт – они мало что не дикие звери, но мнительные, хитрые и жестокие, о натуре которых он порассказал многое, о чем я умолчу, чтобы не докучать Вашей Светлости; и он привел пример, что в Польше и Германии их держали в комнатах запертыми на ключ» («che in Polonia et in Germania erano stati custoditi nelle stanze serrate con chiave»)¹³².

Питание посольства Молвянинова стало притчей во языцех. Итальянцы с огорчением смотрят на то, как русские доливают водку в дорогие вина («ancorché sia Gresco»)¹³³. Но больше всего шокирует их обжорство. «Этот варварский народ прославился в Риме свой эпикурейской жизнью» («questa gente barbara lassa in Roma fama di vita episcurea»), – пишет во Флоренцию Франческо Джерини 1 октября 1582 года¹³⁴. Недуги, поразившие русских в Риме, связывают с неправильным питанием. Франческо Бабби сообщает великому герцогу Тосканскому из Рима 17 сентября: «Папа хочет их поскорее отослать, поскольку они едят семь раз в день и так много, что все заболели» («Il papa gli vuole spedir presto, poiché magnan' tanto, che tutti cascan' malati, mangiando 7 volte il giorno»¹³⁵). По словам Капелло, золотые цепи, которые им собираются подарить, пригодятся, чтобы на обратном пути привязывать их к седлам, в которых они сами

---

132 Pierling P. Bathory et Possevino, p. 139–141 (№ 42), loc. cit. 140. В неопубликованных источниках об этом происшествии говорится также в донесении Джованни Антонио Одескалки герцогу Мантуанскому из Рима 18 августа 1582 года, Archivio di Stato di Mantova, Archivio Gonzaga, busta 931, f. 150, «avviso» из Венеции от 10 августа, Österreichische Nationalbibliothek. Cod. 8955, f. 114v., и трех «avviso» из Венеции, датированных 11 августа: Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, filza 3083, f. 309–309v.; Biblioteca Apostolica Vaticana, Urbinate Latini, t. 1050, f. 300; там же, f. 305–305v.

133 О Шевринге: «havevano introdotto un uso di innacquare il vino con l'acquavita la più gagliarda, che si trovasse, per accendere maggiormente l'ardor del vino» («Деяния Григория XIII, описанные кавалером Лоски», Li successi di Gregorio XIII Bolognese di famiglia Boncompagni creato pontifice li 13 Maggio 1572 con una piena notitia di quanto accadde nel di lui pontificato descritta dal cavaliere Loschi, Archivio Segreto Vaticano. Fondo Bolognetti, t. 45, f. 150v.–153); о Молвянинове: «il vino alcune volte adacqua con l'acqua vite ancorché sia Gresco» (донесение Франческо Джерини секретарю великого герцога Тосканского Антонио Сергуиди из Рима 17 сентября 1582 года, Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, filza 1187), «adacqua il vino con l'acqua di vita» (газета Аннибале Капелло для кардинала Луиджи Эсте из Рима 14 сентября 1582 года, Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Avvizi e notizie dall'estero, busta 127).

134 Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, filza 1187.

135 Там же, filza 3603, f. 427–427v.

держаться не смогут («catene da legarlo a cavallo, acciò non cadda in viaggio»¹³⁶). Из блюд, понравившихся русским, можно составить длинный список. Явный перебор был с дынями. 17 сентября Франческо Бабби приводит такую подробность: «Посол съедает за один присест шесть дынь». «Четыре», – в тот же день доносит своему королю испанский посол Оливарес¹³⁷. «Четыре или пять» – записывает Капелло 14 сентября¹³⁸. «Не меньше двух больших», – сказано в венецианской газете от 11 августа¹³⁹. 1 августа 1582 года посольство Молвянинова въехало в Венецию, а 7 августа Поссевино ставит в известность Совет Десяти, что московиты съели пятьсот дынь, отчего двое из них слегли с желудком. Кто-то подумал, пишет Поссевино, что им повредила венецианская вода, но дело в дынях и мальвазии¹⁴⁰.

Тем не менее все эти красочные картины не русские традиции питания, а факты поведения в необычной ситуации, которые от этих традиций чрезвычайно далеки. Откуда московитам было знать, что такое вино, если в Московском государстве его подавали только за царским столом?! Как пишет Паоло Кампана, Поссевино за царским столом был подан «маленький стаканчик» вина, которое московиты даже называют не вином, а «романеей», потому что вином у них называется водка. («Attulere deinde sat parvum poculum vini – Romaniam Mosci vocant – nam vini nomine intelligunt illam aquam vitae, quam non ex vino, sed vel mulso vel cervisia vel hordeo aut siligine ad ignem terque quaterque p[er]stillata ac sublimate conficiunt»¹⁴¹.)

От темы культурных различий России и остальной Европы при ближайшем рассмотрении мало что остается. Она крошится в руках. В руках остаются крохи. Зато выступает на первый план другая тема – человеческих поступков. Я бы сказал, наш материал учит правильно обращаться со словом «культура». Наши слова в одних ситуациях помогают нам ориентироваться в жизни, а в других ничего путного из их употребления не выходит. Это банальная мысль, высказанная еще Витгенштейном, и я только ее повторяю. Культура не сущность, сидящая внутри каждого, и не механизм поведения, а только сходство человеческих поступков. Такие сходства, безусловно, реальны на статистическом уровне. Но если за два года до Рима доезжают два царских

---

136 Газета от 23 сентября, Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Avvizi e notizie dall'estero, busta 127.

137 Транскрипция Е. Ф. Шмурло, ГАРФ, 5965, д. 558, л. 44, со ссылкой: Archivo general de Simancas, Secretaria de Estado. Legajo 943, f. 118.

138 Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Avvizi e notizie dall'estero, busta 127.

139 Biblioteca Apostolica Vaticana. Urbinates Latini, 1050, f. 305–305v.

140 Pierling P. Bathory et Possevino, p. 145, 147 (№ 43).

141 Ioannis Pauli Campani Relatio de itinere Moscovitico, p. 48.

гонца, и по ним судят о целой стране, слово «культура» ничего не значит. Она реальность, но говорить о ней надо иначе, а тут это пустые слова и внимание, уведенное от сути дела.

* * *

В конфликтах с обеих сторон замешаны люди. Настоящие конфликты – человеческие. Я расскажу об одном (стараясь выдерживать линию, хотя события завязываются в такие клубки, что неизбежные отступления далеко нас уведут; остается с этим смириться). Нужно почувствовать этот материал и подумать, как с ним работать. Можно ли поставить во главу угла не представления о том, что кому свойственно, а сами конфликтные ситуации? – конфликты в чистом виде, а не их мнимые предпосылки, которые якобы можно дистиллировать, получить в форме слов («культура», «нельзя», «неизбежно», «православие», «католицизм»).

Речь пойдет о посещении Яковом Молвяниновым одной из главных достопримечательностей Рима виллы кардинала Луиджи Эсте в Тиволи. Кардинал был болен и в это время жил там. Стороны не горели желанием видеть друг друга. Через слугу кардинала Теодозию Паниццу Антонио Поссевино по возвращении из Московии поспешил его заверить, что с радостью привезет москвитя в его чудесный сад в Тиволи. «Он, вероятно, думает, что доставит вам удовольствие» («*imaginandosi con questo di farle cosa grata*»), – пишет по этому поводу Паницца 16 сентября 1582 года¹⁴². На приезжих из Московии разные люди реагировали по-разному, и такие реакции тоже были, в том числе среди кардиналов. Когда Истома Шевригин находился в Венеции, было решено, что в Риме его поселят у кардинала Мадруццо. Паницца узнал об этом от венецианского посла Джованни Коррера, передавшего ему свой разговор с папой Григорием XIII. Но когда Шевригин приехал, кардинал Мадруццо по неизвестной причине сообщил, что он ничего об этом не знает («*se ne fece nuova, non sapendo perché*»)¹⁴³.

Впрочем, у кардинала Эсте могли быть свои причины не желать видеть у себя «посла Москвитя». Такой причиной могла послужить история, которая случилась с его братом герцогом Феррарским. Канву событий помогают восстановить три документа: запись в «Книге приезда синьоров» из канцелярии герцогов Эсте, датированная 7 апреля 1581 года, и два письма великому герцогу Тосканскому от его послов Орадзико Урбани в

---

142 Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Ambasciatori, Roma, busta 117.

143 Донесение Теодозию Паницца кардиналу Луиджи Эсте из Рима 25 февраля 1581 года, там же, busta 116.

Ферраре от 10 апреля и Оттавио Аббioso в Венеции от 15 апреля¹⁴⁴. 7 апреля 1581 года Шевригин на обратном пути из Рима прибыл в Феррару, где ему не дали остановиться в трактире, как он намеревался сделать, а тотчас отвели в Castello. «Книга приезда синьоров» поясняет удобства расположения его жилища и то, какой замечательной кроватью он смог воспользоваться («allogiò nelle camere del bagno nel giardino del pavaglione, et al suo letto vi era sportello (?) de urmesino giallo cum cordelo detto et ombrela, apparato poi del resto benissimo»). Орадзио Урбани – подробности скандала: «На другой день господин герцог захотел было препроводить посла в Belvedere, где специально для этого было устроено дамское увеселение, но он не пожелал туда отправиться, как позднее отказался прийти и в Montagnola, где также было собрано для увеселительных катаний огромное число карет. Ожидали, что вечером ему обязательно будет дана аудиенция, но ее отложили до утра, сославшись на то, что выпитое вино послу несколько повредило. Однако ранним утром, откушав завтрак, посол продолжил свое путешествие в Венецию, не пожелав аудиенции Его Высочества со словами, что не имеет такого поручения от своего повелителя, и если бы его повелитель о такой аудиенции впоследствии прослышал, то не сносить ему головы».

Слова Шевригина об отсутствии царского поручения увидеться с герцогом Феррарским и о невозможности под угрозой смерти сделать это просто так приводят все три источника. Видимо, они были произнесены. В принципе считалось, что русские послы должны вступать в общение и переговоры только с теми, к кому их отправили. К тому же, Истома Шевригин и Яков Молвянинов были дипломатическими представителями самого низкого уровня, формально являлись всего лишь царскими гонцами.

В своей статье, написанной год назад, я упоминал письмо великого герцога Тосканского Франческо I папскому нунцию в Польше Альберто Болоньетти от 27 октября 1582 года. Великий герцог в этом письме извиняется, что, вопреки существовавшей договоренности, он не смог встретиться с проезжавшим через Флоренцию Яковом Молвяниновым, поскольку в это время года у него охота и он проживает в своем загородном поместье Поджо-а-Кайано¹⁴⁵. Эти объяснения мне показались убедительными, и не пришло в голову, что герцог может лукавить. Но за последний год я обнаружил целый ряд документов, доказывающих, что дело обстояло не так.

---

144 Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Casa e Stato, busta 455, Venute de signori a Ferrara et altri raccordi, p. 26; Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, filza 2900, f. 48v.; там же, filza 2987, f. 424v.

145 Там же, filza 260, f. 26v.

В частности, это три письма посла герцога Феррарского во Флоренции Эрколе Кортиле¹⁴⁶. Первое адресовано самому герцогу, два следующих – его брату кардиналу. 5 октября 1582 года Эрколе Кортиле сообщает о желании великого герцога Тосканского устроить Молвянинову роскошный прием. (Вопросы вызывает дата. Как сказано выше, в 1582 году после 4 октября наступило не 5, а 15. Наверное, автор просто ошибся.) В письме от 23 октября говорится о приезде «посла Московита» во Флоренцию, где его встретили со всевозможными почестями и поселили в герцогском дворце. Местный хронист Агостино Лапини уточняет, что это был Palazzo Vecchio, тогда называвшийся Palazzo di Piazza¹⁴⁷. Эрколе Кортиле далее пишет, что на другой день Молвянинов должен был отправиться в Поджо-а-Кайано на встречу с великим герцогом («andarà facilmente domani al Poggio a trovar il gran duca»). Однако этого не случилось. По словам Агостино Лапини, в тот же вечер 23 октября гость уехал. В письме от 30 октября посол герцога Феррарского комментирует это так: «Он не поехал в Поджо, поскольку ни великий герцог не горел желанием его видеть, ни он великого герцога» («non andò altrimenti al Poggio non s'essendo curato il gran duca di vederlo ne manco lui»). Хотя над формулировкой явно поработали, эти слова Эрколе Кортиле все же записывает шифром.

Другие подробности изложены в донесении Тома Сайи (Sailly) генералу ордена иезуитов, которое датировано 4 сентября 1583 года¹⁴⁸. Это пространный отчет о следующей поездке Поссевино, которого он сопровождал. Поссевино выехал из Рима вместе с посольством Молвянинова, и путь до Варшавы они проделали вместе. Автор свидетельствует, что недалеко от Флоренции люди великого герцога, встречавшие Молвянинова, подали коляску для поездки в Поджо-а-Кайано, где гостя ждали великий герцог Франческо и его брат кардинал Медичи. Поссевино сел в нее один, а москвиты остались во Флоренции. («Cum iam iter ingressi Florentiae appropinquassemus, ecce magni Netruriae ducis aulicos, qui legatum Mosci excipientes, currum nomine cardinalis Illustrissimi Medicei offerunt, in quo patrem suo, et magni ducis nomine invitabat, ut ad se decem inde passuum millibus distantes, relictis Florentiae Moscic procurreret».) У Агостино Лапини время приезда «посла великого герцога москвитов» названо с ошибкой: якобы он приехал «22 октября в пятницу утром около 17 часов». Видимо, дело все же происходило вечером, поскольку Тома Сайи утверждает, что Поссевино был в Поджо-а-Кайано к ночи и три часа («tres integras noctis horas») беседовал с великим герцогом и кардиналом. По словам нашего информатора, «Его Высочество расспрашивал о Московии и других вещах» («de

---

146 Все три письма находятся в одной подшивке без пагинации: Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Ambasciatori, Firenze, busta 26.

147 Diario fiorentino di Agostino Lapini dal 252 al 1596 / pubbl. da G. O. Corazzini. Firenze, 1900, p. 220.

148 Archivio Segreto Vaticano, Segreteria di Stato, Polonia, t. 17A, полный текст: f. 133–170; цит.: f. 135v.–136.

Moscovia, et aliis rebus perquiret»), то есть скорее всего испытывал определенный интерес к Молвянинову, который к нему так и не приехал. Яков Молвянинов тем временем не думал изображать усталость. По сообщению того же Агостино Лапини, «в 22 часа он сел коляску и отправился гулять по городу, и его свозили сначала в Санта-Мария-дель-Фьоре и затем в другие места».

Великий герцог, кажется, был в бешенстве. Из письма Эрколе Кортиле от 5 (или скорее 15) октября следует, что первоначально он распорядился оплатить пребывание русского посольства на всей территории великого герцогства («ha ordinato che sia spesato per tutt' il suo stato»). 22 ноября того же года губернатор Сиены Латтанцио Латтанци шлет взбудораженное письмо секретарю великого герцога Антонио Сергуиди: «Я услышал, что майордом говорит, что написал мне, что Его Высочество не захотел оплачивать расходы московитов в Сиене и Флоренции»¹⁴⁹.

Шевригин в Ферраре и Молвянинов во Флоренции следуют правилу не видеться с посторонними государями. Но, по крайней мере, первый следовал ему не всегда. Беда была в том, что Истома Шевригин уже наломал дров. В Праге ему рассказали, что по пути в Рим он обязательно должен проехать через Венецию. Он сфабриковал проезжую грамоту, взяв для нее царскую печать от неиспользованной проезжей на имя курфюрста Саксонского. Еще хуже было то, что в Венеции, чтобы что-то сказать, он заговорил о торговле. Вышло невпопад. Ему сразу указали на то, что Волга впадает в Каспийское море, куда доплыть на кораблях из Венеции нельзя. Но на мысль о торговле откликнулись, и получилось, что Истома завязал переговоры, вести которые его никто не уполномочивал. В Венеции ему пообещали дать письмо для передачи его государю на обратном пути. Забирать это письмо ему совсем не хотелось. На обратном пути из Рима Истома пытался найти галеру из Анконы в Дубровник, думая объехать Венецию стороной («a levar in Ancona per condurlo a Ragusa intendendo di far quella via»)¹⁵⁰. Но опять у него на пути встала география. Он послушно доехал до Венеции, где получил свое письмо, однако к государю так его и не привез, а рассказал Ивану Грозному историю о том, как отдал письмо венецианцев на сохранение одному немцу «Анце Збернегузю» (или «Бернезгусю»), которого ограбили морские разбойники. До того в Каринтии Истома Шевригин вместе со своим переводчиком зарубили обещавшего вывести их на чистую воду шантажиста «Половицына», он же Франческо Паллавичини, объяснив это тем, что он приставал к женщинам. Но скрыть дела было уже нельзя, поскольку в него вмешался

---

149 Документ опубликован: Casanova E. Transito per Siena di un'ambasciata russa nel secolo XVI // Miscellanea storica senese, V, 1898, p. 56.

150 Андреа Ландино великому герцогу Тосканскому из Венеции от 1 апреля 1581 года, Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, filza 746, f. 48.

Поссевино, желавший быть в том числе ходатаем за венецианцев. В конце концов, ни на какую плаху Истома не попал, хотя, возможно, в Ферраре говорил об этом всерьез. Но к моменту приезда в Феррару он уже хорошо усвоил, что в обычае русской посольской службы, который он нарушил в Венеции, был заключен большой здравый смысл. Правило оказалось совсем не глупым.

С такой точки зрения, поведение Истома Шевригина в Ферраре можно понять. И можно понять оскорбленного им герцога. Удар по самолюбию герцога Эсте оказался тем более болезненным, что герцогство Феррарское давно и безнадежно теряло политический вес. Попытка вступить в общение с «послом Московита» явно имела в виду представить герцогство определенной политической силой, а вышло наоборот. Потому понятно отношение к следующему посольству Молвянинова. «В Ферраре он поселился в трактире, и никто его не навестил», – писал 29 августа 1582 года великому герцогу Тосканскому болонский почтмейстер Амброджо Виньятти¹⁵¹. Видеться с московитами герцог Феррарский больше не захотел, но интереса к ним, как выясняется, не утратил. Сохранилась «минута» его письма послу в Риме Джулио Мазетти от 1 сентября 1582 года. Герцог просит Мазетти передать Поссевино его извинения за то, что его не было в Ферраре во время проезда Поссевино «с московским послом». Получив известие слишком поздно, герцог уже не успевал вернуться в город до его отъезда. «И вступив таким образом в разговор с ним, – сказано дальше в документе, – пусть Мазетти постарается догадаться, что там с этим послом Московита, и переговоры, и о чем именно, и обо всем пусть Мазетти обстоятельно напишет Его Высочеству»¹⁵².

Вернемся к кардиналу Луиджи Эсте. Следов обмена интересующей меня информацией между ним и герцогом Феррарским я пока не нахожу. Чувствовал он себя связанным обидой, нанесенной его брату, или нет, но действовал он примерно так же. Коллекция свидетельств о Молвянинове, которую мне удалось собрать в его бумагах, самая большая и, безусловно, самая интересная по содержанию. Видимо, это признавали другие. Письма его лучших информаторов Теодозии Паниццы и Аннибале Капелло от 13 сентября 1582 года с описанием торжественного въезда Молвянинова в Рим находятся сегодня в очень плохом состоянии. В этом отношении они сильно отличаются от других писем, хранящихся в тех же подшивках. Эти два письма с действительно уникальным

---

151 Там же, f. 549. Болонья являлась ключевой «транспортной развязкой» Северной и Средней Италии и, следовательно, местом, куда отовсюду стекались все новости. Но город относился к папскому государству. Иметь в Болонье настоящего посла было нельзя. Амброджо Виньятти, почтмейстер и по должности весьма осведомленный человек, являлся неофициальным агентом нескольких герцогов одновременно, включая великого герцога Тосканского. Я не знал, что были другие, пока не стал находить пачки писем Амброджо Виньятти в архивах герцогов Урбинского, Пармского. Возможно, и они этого не знали.

152 Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Ambasciatori, Roma, busta 99.

описанием наверняка были оттуда извлечены и какое-то время хранились отдельно. Зачем они могли пригодиться, мы не можем точно знать, но в принципе вариантов не много. Русские в следующий раз появятся в Риме еще не скоро. До конца жизни тяжелобольного кардинала Эсте, умершего в 1586 году, было всего одно более или менее подходящее событие, для которого информация о встрече, устроенной Молвянинову, могла послужить примером. Это приезд к папе Римскому в 1585 году японского посольства. Судя по всему, личный архив кардинала в курии ценили. При этом кардинал Феррарский во время приезда Молвянинова, в самом деле, тяжело болел. Как в таком положении он работал с огромным количеством документов и отдавал распоряжения, совершенно не ясно.

Посещать достопримечательности было приказом. Попытка Молвянинова уклониться от посещения виллы Тиволи, запланированного самим папой Римским, должна была иметь вескую причину, и мы ее знаем. Вечером 1 октября 1582 года Теодозιο Паницца пишет кардиналу Луиджи Эсте из Рима в Тиволи: «Еще сегодня я должен получить ответ от Поссевино, собирается москвит в Тиволи или нет, ибо этим утром он изменил свои планы, сказав, что больше не хочет туда ехать. Он сослался на то, что неважно себя чувствует и что у него опухли ноги. Но, как мне сказал Поссевино, правда состоит в том, что он кипит от негодования, так как этой ночью на него напали, разбив камнями ставни и окна. К тому же, один его человек, выглянувший наружу, был одним камнем легко ранен. Его Святейшество этим происшествием весьма раздосадован. Он послал приказ губернатору найти, кто это был, и наказать со всей строгостью. Прошел слух, что на москвитов напали поляки из ненависти, которую они питают к этому народу. Но потом выяснилось, что это был какой-то сброд, распевавший песни. Едва им сказали несколько слов, чтобы они не шумели и убирались восвояси, те и устроили эту безумную выходку. Однако москвиты уверены, что это были поляки»¹⁵³. Эта история о распоясавшихся певцах, устроивших поздний ужин под окнами Палаццо Колонна, получила огласку и с некоторыми подробностями рассказана еще в нескольких документах¹⁵⁴.

На другой день 2 октября Аннибале Капелло пишет кардиналу, что этих варваров, не желающих ехать в Тиволи, остается поблагодарить за их настырность («*che da me sian benedetti*»)¹⁵⁵. Паницца, ведавший организацией поездки, знает и передает больше. В письме от 2 октября он пишет, что москвит говорит то да, то нет, и в течение одного утра

---

¹⁵³ Там же, busta 117.

¹⁵⁴ Франческо Джерини 1 октября, Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, filza 1187; «avviso» из Рима 3 октября, Biblioteca Apostolica Vaticana. Urbinates Latini, 1050, f. 373, 374v.; Леонардо Дона 16 октября, Pierling P. Bathory et Possevino, p. 235 (№ 66).

¹⁵⁵ Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Avvizi e notizie dall'estero, busta 127.

его решение сменилось бесчисленное число раз. Но затем следует приписка, из которой явствует, что вопрос о поездке, наконец, решен положительно: «Постскриптум этот может вам показаться одной нелепой шуткой. Да будет вам известно, что сию минуту в дом явился конюх Его Святейшества Джулио и сообщил, что по приказанию папы сказанный москвитин должен любым способом увидеть Тиволи до своего отъезда. Теперь решено (а сейчас, пожалуй, два часа ночи), отправить его туда завтра утром, и вы его увидите, если это отвечает вашим намерениям. Я слышал, что этим утром за завтраком, когда отец Поссевино стал выговаривать ему по поводу его нежелания ехать, он вскочил из-за стола, бросил шапку на пол и затем, размахивая руками, творил такие безумства, каких никто из людей, кого следует назвать сумасшедшими, не выделяет и половины. Дай Бог, чтобы чего-то подобного он не устроил в Тиволи, и я ставлю вас об этом в известность, чтобы вы могли, если вы сочтете нужным, укрыться в Замке Св. Ангела или в каком-то другом месте, дабы не быть вынужденным его лицезреть»¹⁵⁶.

Наконец, не менее колоритное описание самого приезда Якова Молвянинова в Тиволи содержится в донесении кардиналу Луиджи Эсте его майордома Джован Пьетро Томомеи от 3 октября 1582 года. «Взглянув на сад и фонтаны, – пишет он, – сей посол вздумал вернуться в Рим. Верхом на муле он уже подъезжал к воротам, и если бы эти дворяне не велели закрыть их перед ним, не было бы никакого способа его удержать. Задержанный во дворце, он всячески пытался уехать, однако его кучеры не захотели закладывать коляски, сославшись на то, что лошади устали. Потом мы поняли, что приезжие оскорбились, не найдя здесь вас, считая, наверное, что вы должны были почтить их своим присутствием... Потом я велел подавать завтрак, и они, кажется, успокоились. Но народ это варварский, а поскольку вы прекрасно об этом информированы, я умолкаю. Мне хотелось только дать вам знать, как обстояло дело»¹⁵⁷.

Одной неудобной для себя подробности Толомеи не упоминает. Мы узнаем о ней от Аннибале Капелло. Это текст из Архива Гонзага в Мантуе, то есть как раз такой, который кардиналу Эсте не предназначался. По словам Капелло, отчасти раздражение москвитов объяснялось тем, что неловкий мастер, ведавший фонтанами, окатил их водой. Он также пишет, что отсутствие хозяина москвитам крайне не понравилось. Отъезд кардинала накануне прибытия гостей Капелло объясняет окружающим тем, что Луиджи Эсте счел за благо не связывать себя и москвитов церемониями, тем более что сам он был нездоров. В другом «avviso», являющемся вариантом первого, уточняется, что, будучи больным,

---

156 Там же, busta 117.

157 Там же, busta 121.

кардинал не хотел, чтобы его видели в таком виде¹⁵⁸. Посол герцога Феррарского Джулио Мазетти поспешил с информацией о приезде москвитов в Тиволи. Его письмо с упоминанием того, что они там якобы уже побывали, датировано 29 сентября. Отсутствие кардинала Феррарского планировалось уже тогда, и своему герцогу Мазетти объясняет его так: кардинал не хотел связывать себя церемониями «с теми, кто настолько туп, чтобы с ним знакомиться» («per lasciar libera la piazza, et non essere obligato a qualche sorte di cerimonia con chi ha così obtuso l'intelletto a conoscerla»)¹⁵⁹.

Наверное, существенно то, что Яков Молвянинов к моменту своего отъезда настроил против себя не только нескольких Медичи и Эсте, но и многих информаторов, авторов писем и газет, чьими сведениями я пользуюсь. Естественно, даже самые высокопоставленные лица в этой пестрой среде не были причастны к принятию серьезных политических решений. Тем не менее это люди с тем или иным положением в обществе, о ком скорее всего можно сказать – общественное мнение Рима. Мы уже поняли, что политика и общественные настроения в Риме существуют отдельно, однако за настроениями в обществе курия внимательно следит.

Мы видим, что настоящее отторжение возникает в таких человеческих конфликтах. История в старом смысле слова, внимательная к событиям, о которой в XX веке наговорили столько плохого, одна и может обнажить подлинную ткань отношений, которые я исследую.

---

158 Обе газеты Аннибале Капелло датированы 16 октября 1582 года, Archivio di Stato di Mantova, Archivio Gonzaga, busta 1986, f. 462–462v., и там же, f. 468–468v.

159 Archivio di Stato di Modena, Archivio Segreto Estense, Cancelleria, Estero, Ambasciatori, Roma, busta 92.